

ПРОЕКТ ДМИТРИЯ ГЛУХОВСКОГО

ВСЕЛЕННАЯ МЕТРО 2033

ДУХОВ ШИНА

ИГОРЬ ОСИПОВ
ЛЕШИЕ НЕ УМИРАЮТ



FUTURE CORP.

Метро

Игорь Осипов

Лешие не умирают

«АСТ»

2015

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Осипов И. В.

Лешие не умирают / И. В. Осипов — «АСТ», 2015 — (Метро)

ISBN 978-5-17-088536-7

«Метро 2033» Дмитрия Глуховского – культовый фантастический роман, самая обсуждаемая российская книга последних лет. Тираж – полмиллиона, переводы на десятки языков плюс грандиозная компьютерная игра! Эта постапокалиптическая история вдохновила целую плеяду современных писателей, и теперь они вместе создают «Вселенную Метро 2033», серию книг по мотивам знаменитого романа. Герои этих новых историй наконец-то выйдут за пределы Московского метро. Их приключения на поверхности Земли, почти уничтоженной ядерной войной, превосходят все ожидания. Теперь борьба за выживание человечества будет вестись повсюду! Говорят, что один в поле не воин. Только вот вся жизнь бойца спецназа ГРУ – сплошное противоречие этой пословице. Особенно, если прозвище этого бойца – Леший. Особенно если ядерный ад навсегда изменил историю человеческой цивилизации. Но ведь нужно жить дальше. А главное, нужно день за днем делать то, что лучше всего умеет делать российский офицер – защищать слабых и служить тем, кто верит ему и в него. Не думать ни о наградах, ни о власти, ни даже о смерти. Особенно – о смерти. Ведь Лешие – не умирают.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-088536-7

© Осипов И. В., 2015

© АСТ, 2015

Содержание

Никто не знал, а я...	7
Пролог	8
Часть первая	11
Глава 1	11
Глава 2	17
Глава 3	27
Глава 4	32
Глава 5	38
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Игорь Владимирович Осипов
Метро 2033: Лешие не умирают
Фантастический роман

© Осипов И.В.

© ООО «Издательство АСТ», 2015

Никто не знал, а я...

Объяснительная записка Вячеслава Бакулина

Как и все, иногда я мечтаю быть героем. Точнее, нет, не так. Быть – это неинтересно. Скучно даже как-то. Как в том анекдоте, где глупый старик с неводом попросил у золотой рыбки, чтоб у него все было. И мудрая рыбка ответила: хорошо, дескать, старче, у тебя все БЫЛО. Так и с героизмом. Ведь самое-пресамое в этом деле: 1) процесс свершения подвига аль еще какого славного деяния; 2) то, что происходит сразу (ну, пусть не сразу, а немного погодя) после свершения. Цветы и оваии, поцелуи и объятия, крики «Браво!» и восторженные девушки, бросающие в воздух чепчики и прочие детали туалета. Награды, опять же, известность, солидная прибавка на банковский счет, почет и преклонение народных масс. Родители скромно говорят с сияющими глазами в направленные на них камеры новостных каналов: «Он у меня с детства такой!» (вариант: «Ума не приложу, как мы сумели воспитать ГЕРОЯ?»), супруга и доча в миллионный раз охотно подтверждают, мол, да, родственники, и совершенно даже не случайно, а одноклассники, одноклассники, коллеги по работе и просто знакомые только и говорят, что обо мне. И все счастливы от того, что, ничего особенно не делая, приобщились к чему-то ослепительному. Необыкновенному. Из ряда вон. Как будто в моем подвиге и от них есть хоть самую малость. Ну не красота ли?

Уверен, что вы, мой дорогой читатель «Вселенной», независимо от пола, возраста и места проживания, хоть раз да оказывались в плену таких же грез. А если и не таких точно, то схожих, расходящихся лишь в мелких деталях. Один, скажем, видит себя бесстрашным борцом с терроризмом, другой – создателем лекарства от рака, третий – изобретателем универсального топлива... Награда, опять же, многократно варьируется. Суть-то ведь не в этом, верно?

И вот мы все мечтаем, мечтаем, мечтаем.

Изредка или постоянно.

Мы – мечтаем. Другие – делают. Некоторые даже – изо дня в день. Пусть мерзавцы каждый день безнаказанно убивают невинных, лекарства от рака до сих пор нет, а про универсальное топливо мы читаем исключительно в фантастических романах, – делают, поверьте. Помогают. Спасают. Защищают. Двигают вперед науку. Потрясают умы и души произведениями искусства. Делают, хотя перспективы победы порой более чем сомнительны, а в случае проигрыша часто можно заплатить репутацией, карьерой, здоровьем или жизнью. Потому, что такова их работа. Потому, что они могут это сделать. А чаще даже – не могут НЕ сделать.

Иногда, когда я задумываюсь об этом, мне становится совестно.

Так что в следующий раз, когда в ваших ушах отзвонят виртуальные фанфары, и вы вернетесь из сладкого плена фантазий обратно к своей – такой обычной – жизни, пожалуйста, оглянитесь по сторонам. Бог с ним, с подвигом! Не откажите просящему о помощи. Поддержите словом и делом тех, кто на вас надеется. Не струсьте и не смолчите, даже если так проще и безопасней – а так проще и безопасней, спору нет. Сделайте даже самое рутинное дело по-настоящему хорошо. Особенно, если дело это пойдет на пользу не только вам.

Мудрые китайцы не зря говорили, что дорога в тысячу ли начинается с одного шага. Хотите, чтобы мир стал лучше? Тогда забудьте навсегда фразу: «Да что я могу? От меня все равно ничего не зависит». И может быть, однажды вы действительно услышите свои фанфары.

Пролог Я дома

Он ехал в маршрутном автобусе, не отводя взгляда от полей и перелесков, мелькавших за окном. Блудный сын... Сколько же прошло времени с тех пор, как он, молодым лысеньким новобранцем, в гурьбе таких же, направлялся на прохождение срочной службы? Пятнадцать?... Да какой там!.. Уже девятнадцать лет прошло. Он ужаснулся скорости течения времени. А как вчера все было! Хотя, если оглянуться, сколько всего после этого «вчера» произошло – на две жизни хватит. Он давно уже не тот бритый юнец в мешковато висящей форме.

Какой-то пожилой мужчина, сидящий напротив, внимательно разглядывал его, но, наткнувшись на колючий взгляд, непроизвольно отвел глаза. Да, мало кто выдерживал его взгляд. Иногда ему доводилось одним этим взглядом вгонять своего противника в ступор или в паническое бегство, а то и откинуть от себя. Так их учили, и он овладел этим искусством в совершенстве, потому что те, кто не научился, уже давно под землей прята кости... Если было, кому их похоронить.

Автобус проехал мост через небольшую речушку, и на горке появился белый указатель – «Духовщина».

– Ну, вот я и дома, – сказал он вслух. Правда, дом – это там, где тебя ждут. А его никто не ждал. Мать умерла еще лет десять назад, когда он жарился где-то в Центральной Африке, выясняя отношения с умниками из бактериологических лабораторий, и узнал о случившемся только через полгода, а сестра выскочила замуж и укатила в областной центр. Узнает ли она своего непутевого младшего братишку?

Автобус остановился на автовокзале. Какое громкое название для одноэтажного домика, похожего на избушку на курьих ножках, сбежавшую от Бабы-яги на подработку в город, к людям. В его городе все небольшое. Только железнодорожный вокзал отличался – не было его отродясь в этом городе. Огромный пустырь на месте, отведенном под его запланированное, но отмененное, строительство. Это, пожалуй, единственное что-то большое в маленьком городке. Не рентабельно, говорили, тянуть сюда ветку. Да и трудно назвать городом место, в котором проживает всего-то полторы тысячи человек. А вот ведь, расщедрилась когда-то императрица Екатерина и сделала подарок своему возлюбленному. Негоже, чтобы первый фаворит императрицы князь Потемкин в деревне родился. Город! Мужчина ухмыльнулся посетившей его мысли. Он все равно любил свою Родину. Этот маленький городок с красивым и звучным названием Духовщина. Куда бы ни закидывала майора судьба, как бы ему не было плохо – он знал, что когда-нибудь вернется домой: в свой маленький городок, в небольшую бревенчатую хату возле чистого пруда, где полно уток и гогочущих гусей. Он был в этом уверен. Может, только эта уверенность, если разобраться, его и спасала. Не поворачивается язык называть свою работу войной. Задания – так они и называли свои командировки, поскольку направлены они были именно на то, чтобы не допустить эту самую войну. Майор, специалист по выживанию, вооружению и рукопашному бою, позывной «Леший» – только теперь все с добавкой: в отставке. В отставке для командования, но не для себя.

Закинув сумку на плечо, тренированным в длительных переходах шагом, он направился по привычной, выученной еще в детстве, дорожке. Никто не узнавал в статном поджаром мужчине с мускулистой атлетической фигурой того сорванца, от которого стонали учителя и соседи. Хотя нет... вон тетка Маня, соседка, у которой он воровал в детстве огурцы, наливает воду из колонки. Загляделась на прохожего, да и забыла, что ведро-то уже полное – льется через край.

– Здравствуйте, тетя Маня, – мужчина перекинул увесистую сумку на другое плечо и слегка поклонился женщине.

– Лёшка, ты, што ль? – женщина слеповато прищурилась, разглядывая собеседника.

– Я, тетя Мань, я.

Он, конечно, понимал, что от того Лёшки, которого она помнила, уже ничего не осталось. И будь зрение у нее чуть получше, вряд ли она его бы узнала.

– Ой, радость-то какая! А мамка-то твоя не дожила. Померла, горемычная, подруга моя! – запричитала старая женщина. – А Лизка-то мне ключи оставила, как знала. Пойдем, я тебе хату открою, – забыв про воду, тетя Маня посеменила в дом, продолжая причитать. – А мы вот с Егоркой живем. Внучка прислали мне на каникулы. Такой пострелец, прямо как ты в детстве.

Легко подняв полное ведро, мужчина направился за соседкой. «Да, постарела тетя Маня, а какая статная и красивая была. Мужики рядом с ней просто млели. Куда что делось? Хата ее только не изменилась. Хотя нет – постарела вместе с хозяйкой: веранда покосилась, кровля на ладан дышит (надо бы подправить), да глазастый паренек лет семи устался с любопытством на незнакомца».

Алексей взял у женщины ключи и зашел в соседний двор, пообещав, что вечером придет порассказать, как жил, где был.

Вот где время остановилось. Ничего не изменилось. Он помнил тут каждую дощечку и гвоздик. Детская память самая цепкая. Открыв ключом массивный навесной замок, с осторожностью вошел в дом, но засмотрелся и стукнулся головой о косяк. «Да-а. Родные пенаты не изменились, а он слегка подрос». Улыбнувшись, майор бросил сумку на пороге.

– Ну вот, теперь я точно дома, – он огляделся, и устало сел стул. Раньше Алексей никогда не чувствовал себя таким уставшим. Словно все то, что накопилось в нем за эти девятнадцать лет, разом навалилось, придавив могучее тело.

В памяти всплывали эпизоды из его беззаботного детства: всегда строгая и деловитая сестра, казавшаяся тогда ужасно взрослой, мама – добрая и справедливая. Наверное, дом, признав своего заблудившегося где-то хозяина, радостно напоминал таким способом о себе: «Вспомни, хозяин: ты тут жил, рос – я очень рад тебе».

Он не заметил, как в думках и воспоминаниях пролетело время. Из этого состояния его вывела тетка Маня. Она стояла на пороге, вся растрепанная и взволнованная.

– Да, тетя Мань, сейчас подойду, задумался я что-то, – Алексей привстал, но заметил, что соседка как-то не в себе.

– Лёшенька, по телевизору сказали, что война сейчас начнется. Повторили много раз, а потом все выключилось. И света нет.

Майор пощелкал выключателем. Да, электричества действительно не было.

– А что точно сказали? И кто?

– Штаб гражданской обороны. Сказали, что это не учебная тревога. И что-то про радиационное заражение, – женщина с трудом произнесла незнакомое ей словосочетание. – И что укрыться надо.

– Теть Мань, сидите дома, я схожу в райисполком или что там у вас сейчас... мэрию, и все разузнаю. Может это учения какие, не заходите так.

– Как же, сказали ведь, что не учения... – соседка собралась уже пустить слезу.

– Всё, отставить сопли! – строгий командный голос привел женщину в чувство. – Сказал же, все разузнаю. Идите к Егорке и ждите меня.

Возле мэрии, рядом с памятником знаменитому земляку князю Потемкину, собралась уже приличная толпа. Народ галдел, обмениваясь услышанной, а скорее надуманной информацией.

– Да атомная станция рванула. Наша, Смоленская. Помните, как в Чернобыле? Вот и наша так. Потому и объявили.

– Да, ты чё? До нее километров двести! А свет-то тогда чего вырубился? Учения это!

– Вот поэтому и вырубился, что электростанция.

– Балаболка ты, Трофим. Услышал звон... Не все так просто. Связи ведь тоже никакой нет. Вон, мэр выходил – нет, говорит, связи.

Услышанное все меньше и меньше нравилось Алексею. Все его нутро протестовало, а опыт, раскладывая информацию по полочкам, уже давно подсказал ему правильный ответ, и этот вывод ему очень не нравился.

С окраины города, там, где дорога, извиваясь серой асфальтовой лентой, бежала в сторону областного центра, на огромной скорости неся полицейский «бобик». Резко затормозив перед самой толпой, он остановился, как вкопанный, подняв клубы пыли. Из машины выскочил молодой сержант и безумным, ничего не видящим вокруг себя взглядом окинул присутствующих.

– Взрыв... «Гриб» над Смоленском. Я сам видел с холма в Савино...

– Какой гриб? Ты толком расскажи...

– Он там что, грибы собирал? – Народ роптал, требуя объяснений.

Алексей развернулся и быстрым шагом пошел назад. Надо взять документы – и обратно в мэрию. Все стало понятно. Не зря судьба распорядилась так, чтобы он оказался здесь. И это хорошо, что он дома. Надо очень много успеть сделать, чтобы выжить. Ведь выживать – это его профессия. Он выживет сам и научит этому своих земляков. А все вместе они – сила. Теперь он не сомневался, что его маленькая Духовщина – настоящий город.

Часть первая

Угроза

Глава 1

Жизнь или смерть

Максимыч опять бежал в лазарет. Он взял это за правило – как только появлялась свободная минутка, найти его можно было только там. И тянул его не родной дом, это желание возникло только тогда, как Ирину принесли в бессознательном состоянии и уложили на ту же кровать, на которой еще недавно лежала Алина. Он не мог понять: вроде такая же перебинтованная голова и то же бледное лицо на подушке, но, если с Алиной он искал повода, чтобы отсрочить разговор, и придумывал себе дела, то Ирина притягивала, как магнит. Латышев, посмотрев на вяло ковыряющегося в оружии Максимыча, безнадежно махнул рукой и чуть ли не вытолкнул его из оружейки, пробурчав под нос: «Сам дочисти, иди домой».

Максим, благодарно взглянув на мудрого, все понимающего гуру, отложил на верстак полуразобранную «ксюху» и, даже забыв вытереть руки ветошью, «улетел» в сторону лазарета.

В приемной его встретила мать. Укоризненно посмотрев на грязные, в оружейном масле руки сына, она, молча, указала на умывальник. Максим, зная пункт матери на этот счет, беспрекословно повиновался. Прошли те времена, когда он отшучивался в стиле: больше грязи – толще морда. Теперь он прекрасно понимал, что если зоркий глаз родительницы рассмотрит хоть одного неучтенного микроба, в палату Иры его никто не впустит, а это было бы, в его понимании, суровое наказание.

– Как она? – намыливая руки куском свежесваренного хозяйственного мыла, он, даже не оборачиваясь, почувствовал, как мать пожала плечами.

– Так же... Неделю уже... Показатели хорошие, но из комы не выходит. С ней сейчас Алина. Пойдешь?...

– Конечно. – Максим вытер руки грубым вафельным полотенцем.

– Халат надень, – она протянула ему бесформенное белое нечто.

Набросив халат на плечи, Максим осторожно заглянул в палату. Ирина лежала на той же кровати, на которой всего неделю назад была ее сестра. Лицо ее было так же бледно, только повязка, толстым слоем намотанная на голове, перекрывала правый глаз, а вместо записанной руки, что была у Алины, из-под одеяла высывалась уложенная на шине нога. От колена к блоку тянулись стальные струны, на которых был подвешен груз – несколько чугунных гирек.

Опасливо обойдя сложную конструкцию, Максим подошел к Алине. Сестра сидела возле кровати и гладила Ирину по безвольно лежащей поверх одеяла руке.

* * *

Полной темноты не было. Мозг, отключив все внешние раздражители, чтобы организм изыскал резервы на восстановление, услужливо оставил «аварийную подсветку», а то, наверное, Ира сошла бы с ума, так и не придя в себя. «Странное и страшное ощущение – сидеть сознанием в коробке своего черепа. Мыслить, но быть без сознания. Есть в этом что-то противоестественное... Как это – быть без сознания, но осознавать себя? Совсем запуталась, пробуя разобраться в своих ощущениях».

Ира почему-то догадывалась, что вокруг много людей, хотя бронебойные стенки ее темницы не пропускали никакой информации. Очень хотелось выбраться из тесной клетки туда, где люди, свет и, черт с нею, боль. Или же вырваться только сознанием из своей тюрьмы, и даже мысль, что это означает умереть – не пугала. Что бы это не означало, хуже, чем сидеть запертой самой в себе, уже ничего нет.

«Аварийная подсветка» переливалась всеми цветами радуги перед внутренним взором, но это почему-то создавало еще большую скованность. Будто мягкие веревки ласково опутывали мозг, съедая даже минимальную свободу мысли, завораживая, вгоняя в транс. От разноцветной карусели уже кружится голова. Сама мысль от кружащейся головы в голове развеселила, и стало легче. Алинка бы уже реготала, как заведенная. Этой хватит одного указательного пальца, чтобы было веселья на целый вечер. Алинка...

Сколько Ира себя помнила – она всегда была рядом с ней. Память, в то время, когда кроме памяти ничего вокруг нет, – странная штука. Ира помнила все... абсолютно все, до самых, казалось бы, незначительных мелочей. И даже то, чего помнить, по идее, просто не могла.

Первое осознание себя было в утробе матери! И уже тогда рядом была она, ее сестренка. Прикосновение ее маленькой ручки вселяло уверенность: «Не бойся, я рядом с тобой, ты не одна, мы вместе». Три сердца бились в успокаивающем ритме – свое собственное, колотящееся в ритме бегущей лошади, такое же у копошащейся рядом сестры и редкие удары сердца матери. Уверенные сильные звуки. Это первая колыбельная ее жизни. А сейчас она одна. Всегда ненавидела одиночество. Так одна Ирина никогда не была – не слышно даже собственного сердцебиения. Мозг надежно и заботливо укутан в вату безмолвия. Это изощренная пытка. Ее индивидуальная пытка, подобранная с изысканным садизмом. Как будто кто-то назойливо и педантично покопался в ее голове, прикидывая каждую, как платишко к извилинам, и, выбрав самое страшное... самое непереносимое... то, что она больше всего боялась, с улыбкой Гуим-плена вручил: «На, наслаждайся».

Ирина билась о стенки своей темницы, словно птичка в клетке, но преграда мягко отталкивала ее, указывая сознанию свое место. Ничего не оставалось, кроме как вернуться в прошлое. Картинки жизни замелькали, точно в сошедшем с ума калейдоскопе. Девушка с интересом пыталась рассмотреть их и заметила, что как только она улавливала то, что они показывают, бесконечная карусель замедлялась, услужливо предоставляя возможность рассмотреть этот отрезок ее жизни во всех подробностях.

Яркое солнце светит на улице, только что прошел дождь и две маленьких девочки, одинаковые, как две капельки воды, держась за ручки, топают сандаликами по темному, влажному асфальту. Кругом много людей, которые с улыбкой обходят Иринку и Алинку, а сзади идет их мама: молодая, красивая, живая. Она с нежностью смотрит на своих девочек.

А вот они сидят, прижимаясь к маме в пыльном, душном помещении. Комната забита людьми. Мелькают красные лампочки. Где-то наверху что-то грохочет, словно ворочается страшный дракон. С потолка сыплется штукатурка. Очень страшно! Алинка плачет, а Иринка только сильнее прижимается к боку мамы и смотрит, как напротив них жметесь к своей маме маленький мальчик, вздрагивая при каждом новом грохоте наверху.

Ей казалось, что она практически не помнила ничего из того периода своей жизни, поэтому с интересом вновь переживала его... испытывая заново пережитое, но оценивала уже по-другому. Правда, какие бы страхи она не пережила, что бы не испытывали взрослые – детство и у нее, и у сестры, да и у всех детей, которые волей судьбы оказались в убежищах, было счастливое. Дети не голодали, все взрослые старались баловать их принесенными с поверхности или сделанными своими руками игрушками. Ведь у многих там, наверху, остались их собственные дети и внуки. И в случайно появившихся в этом странном, совершенно не приспособ-

собленном для них мире, девчонках и мальчишках они видели своих, навсегда потерянных родных.

А когда Иринка и Алинка подросли, их мама организовала для всех выживших детей школу. Небольшим был тот класс, постоянно уменьшающийся, словно таящая на солнце льдинка. Грустно было на это смотреть снова, вспоминать лица угасающих от различных болезней друзей, поэтому все картинки детства девушка «перелистывала» быстро, редко останавливаясь только на памятных моментах, связанных с мамой.

Мама... Мама тоже ушла. Цеплялась за жизнь так долго, сколько могла, чтобы поднять своих девочек. Но болезнь взяла свое и унесла самое дорогое, что было у Ирины. Ушла, оставив ее за старшую, несмотря на то, что Ира родилась на пятнадцать минут позже своей сестры. Это девушка разглядывала с упорством мученицы, как бы больно это не было, повторяя и повторяя: бледное, заострившееся лицо матери, блестящие лихорадочные глаза, потрескавшиеся сухие губы и хриплый тихий шепот, прерываемый мучительным кашлем: «Береги сестру, безалаберная она у нас... только на тебя надеюсь».

В ее жизни было три дорогих человека: мама, сестра и Максимка. И если мама всегда была с ней в памяти, то Алина и Максим... Почему жизнь распорядилась так, что эти два дорогих ей человека явились самой большой проблемой? Жизнь – странная штука с извращенным чувством юмора. Обязательно надо все так переплести, чтобы распутать было невозможно – только разрубить. Больно, по живому, со всего маху. А как было бы здорово... Подсознание услужливо подсунуло эпизод: она ведет урок, рассказывает детям о том, как устроен мир – про планеты, звезды. И тут в класс заглядывает Максим. Смотрит на нее со своим озорным прищуром, будто гадость какую-то задумал – все как в детстве. А у нее всё... Какие теперь планеты? Ноги стали ватными, сердце заколотилось, и никакие слова о звездах и орбитах в голову не идут. Стоит и краснеет, как дура, даже детишки захихикали. Наверное, тогда возник вопрос: что это со мной? И тогда, стесняясь, призналась, прежде всего, себе, что смотреть на этого молодого парня, как на товарища, друга она уже не может.

Но еще больший шок Ирина испытала, когда, толком не разобравшись в себе, увидела заинтересованный взгляд Алины вслед уходящему Максиму. Ира никогда не забудет то нестерпимое желание придушить сестру. «Как она смеет даже смотреть на него ТАК?» Наверное, она не права, что тогда решила пойти на компромисс. Надо было сразу поставить все точки над «Ё» с сестрой. Хотя, зная Алинку, скорее всего ни к чему толковому это не привело, и эта некрасивая сцена соблазнения была бы чуток раньше.

Иру внутри всю передернуло, когда она разглядывала, как обнаженная дрожащая фигура Алины прижимается к плечу такого родного Максима. «Хорошо, что нас тогда разняли – точно бы придушила. Глупо все вышло». Приступ ревности опять завладел ее сознанием, и она быстрее перелистала эпизоды: «Надо как-то научиться пользоваться памятью, чтобы та не подсовывала такие картинки без нужды».

Даже в коме Ирина не могла долго злиться на Алину. Нет, не так – особенно в таком состоянии, когда ей не хватало сестры так сильно, сердиться на нее было совершенно невозможно. В конце концов, они всегда ругались, а в детстве даже доходило до драк, но обижаться друг на друга долго не могли – ни одна, ни другая. И уже через час бежали друг к другу, находя незначительные поводы, чтобы помириться. Ну, а если беда, то общая. Не было такого, чтобы беда одной – совершенно неважна другой. Может, поэтому и не смогли поделить Максимку, так как каждая знала, что его выбор сразу станет ударом для одной из них. По крайней мере, так было у Иры. За свои чувства и мысли она отвечала вполне, тем более теперь, когда кроме этого у нее ничего не осталось.

А когда беда общая, пережить ее вдвоем легче. Так случилось, когда умерла мама, – они вдвоем ревели и вдвоем утешали друг друга, – и когда потерялся Максим. Не было у Иры даже тени сомнения, надо ли идти?... Хотя, идея была явно нелепая, но отпустить сестру одну она

не могла... по нескольким причинам. Первая и основная – они всегда все делали вместе, и только так у них могло что-то получиться.

Рассудительность и сдержанность Ирины тормозили кипучую деятельность сестры, которая могла завести в такие дали, что выбрести из них та уже никогда бы не смогла. А во-вторых, Максим ей был тоже не чужой, и она не могла сидеть без дела, когда другие бросились на его поиски. Сейчас, перебирая воспоминания об их путешествии, она схватилась бы за голову – если бы могла до нее дотянуться – насколько глупым и, главное, бесперспективным оно выглядело, но тогда она по-другому поступить не могла. Пошла, нет, даже побежала, несмотря на то, что как никто другой понимала авантюристку сестры.

Поверхность – как передать свои ощущения? Это другая планета. Нет, не так она представляла ее. Да, были рассказы Максима и других людей, но они все равно называли здания в качестве ориентиров, названия каких-то улиц, они видели там город. И для Ирины поверхность оставалась городом. Пускай пустым, заброшенным, но все-таки городом. Она не готова была увидеть это – дикие джунгли с кое-где выглядывающими руинами, которым только при большой фантазии можно было вернуть привычные контуры жилых строений. То, что осталось в ее детской памяти – большие красивые дома, широкие улицы и огромное, просто невообразимо огромное количество людей, гуляющих по паркам, – все это кануло в Лету. Ее мечты детства, ее любимого города, оказывается, уже нет много лет, и он остался только где-то там... глубоко в памяти. Там, где и мама, и голубое небо с ярким солнцем, и стаи голубей – вечно голодных, наглых попрошайек, готовых залезть тебе в рот за вожаком семечкой. Ничего не осталось. Поверхность стала чужой людям. Город освоили мутанты да сталкеры, которые, со своим звериным чутьем, могут поспорить с этими самыми дикими животными. Только так можно выжить в этом жестоком мире. Ни она, ни сестра не были готовы к этому. Романтику диких территорий сдуло ветром реальности уже через первую сотню метров. Только этой сотни уже вполне хватило, чтобы дорогу назад найти было просто невозможно. И мысль, что слепой котенок наконец-то прозрел, почему-то не успокаивала. Потому что это произошло в слишком неподходящем для жизни мире, и осознание этого гнало вперед сильнее, чем рык страшного зверя за спиной. Движение есть жизнь. Жизнь – это борьба. А борьба за свою жизнь – есть смысл жизни. Вот такие нехитрые постулаты поверхности.

Так что все впечатления от своего пребывания наверху Ирина могла уложить всего в два слова: страх и усталость. Вечное соревнование, где эти два чувства выхватывают друг у друга первенство. Человеку свойственно бояться всего неизвестного, а мир на поверхности был полностью незнаком. Все, что она чувствовала – это один сплошной страх. Страх, да еще усталость: от бесконечного пути, от отсутствия каких-либо хоть немного знакомых мест. И даже усталость от страха, ведь бояться всего на свете – очень утомительное занятие. Настолько утомительное, что боязнь переросла в какую-то отчаянную злость. Вот и третье слово – только благодаря злости она смогла выжить. Первые ростки этого чувства взошли, когда она стояла руки в боки перед опрокинутым ржавым трамваем, пытаясь вразумить сестру. А та, стоя на карачках, только упрямо мотала головой. Злость заслонила собой все, отеснив и страх, и непомерную усталость, которая просто скосила Алину. А что потом?... Потом снова был Страх или, точнее, Ужас. Он прижал к земле крепче, чем поток воздуха, сбивший ее с ног, и парализующий, выворачивающий наружу мозг, вопль. Огромная тень накрыла Ирину, как одеяло, и, уже прижатая и раздавленная этим ужасом, она видела отчаянный, безрассудный подвиг сестры. Тогда не думалось, что пули могут задеть ее. Они свистели над девушкой, противно визжали, рикошети от чешуи и роговых наростов ящера, и до сих пор стоит в ушах Алинкин крик, который не приглушила даже маска противогаза: «Не-е-ет!!!». Выжжен на сером веществе мозга раскаленным клеймом. А дальше... как в замедленном кино: сестра с грохотом вцепилась в ржавый корпус древнего транспортного средства и безвольной поломанной куклой сползла на серый, потрескавшийся от времени асфальт. Страх победил ужас. Страх за сестру, а

ужас перед ящером. Но это не помогло, как она не пыталась успеть... стартовала, как спринтер стометровки на чемпионате мира, но для ящера и это было непростительно медленно. Всего через пару-тройку шагов все закружилось перед глазами, грудь и левую руку стиснул тесный обруч, сковавший все движения и перехвативший дыхание, а трамвай с лежащей рядом Алиной стремительно унесся куда-то вниз и назад.

Вот тут, оттеснив все остальные эмоции, снова на передний план вышла злость. Холодная, расчетливая – мозг работал четко и ясно, а ужас и усталость остались где-то там – далеко внизу. Коготь ящера впивался в бок, разорвав тонкую прорезиненную ткань ОЗК. Левая рука плотно прижата к телу, но правая полностью свободна. Ящер летел на небольшой высоте, оглашая окрестности громким кличем удачливого охотника. Почему-то страшно не было, хотя Ирина прекрасно понимала, какая судьба ее ожидает. И именно это понимание злило больше всего.

Висеть практически вниз головой, зажатой в лапе чудовища, было крайне неудобно. Один из «стальных» когтей ящера впивался в спину, и если бы не рюкзак, надетый за плечами, то мучения девушки уже прекратились бы. Где-то над головой со звуком выбиваемого одеяла хлопали длинные и широкие полотнища кожистых крыльев, окатывая Ирину потоками воздуха. Плотнo прижатая к телу левая рука онемела, но самое плохое, что вместе с рукой была пережата и гофрированная трубка противогаза. От недостатка воздуха, а может и от постоянных перепадов высоты, – ящер летел крайне неустойчиво, из-за тяжести добычи постоянно проваливаясь в воздушные ямы, – начала кружиться голова. Дотянувшись свободной рукой до маски, Ира с трудом стянула ее с головы. Холодный влажный воздух, который раньше сквозь резину лишь немного намекал на температуру «за бортом», раскидал по лицу копну каштановых волос девушки, совершенно закрыв и так незначительный обзор. Подставив лицо встречному ветру, она дала потоку воздуха убрать мокрые волосы назад. Видимость улучшилась, но смотреть было особо не на что: перед глазами стоял только покрытый чешуей бок ящера. Под кожей размеренно перекачивались волнами мощные мышцы. Вывернув под невозможным углом голову, Ирина посмотрела вниз. Ящер летел на небольшой высоте – может, метров сто, не больше. Внизу джунгли и руины слились от скорости в один большой пестрый ковер.

Брошенная маска свободно висела на трубке, раскачиваясь в такт махов огромных крыльев ящера. Дышать стало легче. Почему-то Ирину совершенно не заботило, что она нахватается какой-нибудь гадости. Она не сомневалась, что умрет, но очень не хотелось быть разорванной птенцами этой заботливой мамыши, тащившей добычу в гнездо. Лучше уж сразу – грохнуться с высоты, и всё...

Дотянувшись до пояса, она нащупала охотничий нож. Рукоятка единственного оставшегося у нее оружия удобно легла в ладонь, придавая решимости. Нож, как верный друг, добавлял сил, как бы говоря: «Нельзя сдаваться, хозяйка. Пока ты жива, еще не все потеряно».

Выхватив его из ножен, девушка, вложив всю злость в удар, пырнула ящера в бок. Стальное лезвие соскользнуло с мелкой, размером не больше ногтя, чешуи, не оставив на ней даже царапины, но по шкуре животного прошла дрожь, а окрестности огласил недовольный вопль. Лапа сжалась сильнее, совершенно передавив уже и так ничего не чувствующую левую руку. Девушка вскрикнула и ударила ножом по обхватывающей тело когтистой лапе. Ударила не думая, не целясь... ударила, чтобы прекратить стягивающее движение удавки. Нож не отскочил, как было в предыдущий раз. Лезвие глубоко вошло под отошедшую немного на сгибе сустава роговую пластину. Лапа неожиданно разжалась, и Ирина едва не сорвалась – повисла, зацепившись рюкзаком за кривой коготь. Ящер резко сбросил высоту, чуть окончательно не уронив на вираже ношу, но выровнялся и, изогнув длинную шею, повернул к Ирине огромную покрытую роговыми наростами голову. Зубастая морда уставилась на девушку рыжим, как огонь, глазом с узким вертикальным зрачком. Уже совершенно ничего не соображая, Ирина с размаху вогнала нож по самую рукоятку в этот ненавистный глаз. От вопля, который ящер

исторг прямо в лицо девушки, Ирина оглохла. Животное мотнуло головой, чуть не вырвав ей руку с ножом из плеча, и, конвульсивно дернувшись, вытянулось всем телом в струну. Тварь катастрофически теряла высоту. Судорожно взмахивая крыльями, она зацепилась за деревья и, ломая ветки, рухнула на землю.

Снова полная темнота. Эпизод, пронесшийся перед внутренним взором, совершенно истощил Ирину. Мозг щелкнул предохранителем, выключив сознание, чтобы тело снова не испытало ту страшную боль при падении.

* * *

– Ой! – Алина сидела на жестком табурете рядом с кроватью сестры, держа ее за руку, которая лежала поверх одеяла.

– Что – ой? – Максимыч напрягся и вопросительно посмотрел на девушку.

– У нее палец дернулся.

– Показалось.

– Нет... опять. Позови кого-нибудь.

Максим выскочил за дверь и через несколько секунд вернулся со своей матерью. Она подошла к кровати, пощупала пульс, посмотрела на зрачок единственного не закрытого повязкой глаза, после чего удовлетворенно хмыкнула.

– Зови отца, – сказала она, не оборачиваясь к сыну. Максим снова умчался из маленькой палаты.

Алина забилась в угол, пока мама Максима налаживала систему трубочек и баночек, подключая ее к вене сестры. Проследив, чтобы трубочки были полностью заполнены и лекарство из бутылки размеренно поступало в систему, она повернулась к Алине:

– Смотри за системой, я сейчас подойду. Справишься?

Алина закивала, давая понять, что ради Ирины готова и на более сложные поручения.

Глава 2

Марево

Изматывающая жара. Солнце нещадно палит, и боевой костюм не спасает, наоборот, бронезилет раскаленной сковородкой давит на плечи, вытягивая последние остатки сил. Ноги вязнут в песке, но надо идти вперед. Вперед, назад – все направления перемешались в этом зыбком мире. Можно с уверенностью сказать, что над головой испепеляющее солнце, а под ногами раскаленный песок. Пот струйками стекает из-под тактического шлема, но сухой воздух жадно всасывает в себя и эту скудную влагу, оставляя лишь шершавую кожу. Очень хочется пить, нестерпимо... Дотянувшись до фляжки, он потряс ее и услышал только шорох пересытающихся внутри песчинок. Последние капли из фляги уже вытекли потом. Неожиданно ожили наушники переговорника: «Леший, не отставай... Держи строй... Ты меня понял?...»

– Леший, вставай. Да проснись же ты.

– Да понял я, Комок, понял.

– Что ты там понял? Какой Комок? Вставай, говорю. Это я, Гришка. Сам просил разбудить, когда охотники придут.

Будь она неладна, эта пустыня. Не отпускает даже через столько лет. Ему часто снились бои, и почему-то больше всего Африка. Слишком тяжело она далась – особенно эта, самая последняя командировка в пустыню.

Леший сел и потянулся. Железная кровать с панцирной сеткой скрипнула. Перед ним стоял Гриша – высокий мускулистый парень с короткой стрижкой под полубокс, как и у него. Сынок. Леший улыбнулся. Какой, к чертям собачьим, сынок? Дожил до шестого десятка, не завел, так и нечего начинать, даже в мыслях. Гришка – воспитанник, друг, ученик, просто хороший парень, с которым не страшно и в пекло залезть... как и те ребята... оставшиеся в пустыне. Он помотал головой, вытряхивая образы воинов в пустынных «ратниках», которые стояли перед глазами.

– Что у нас плохого? – он потер ноющее после старого ранения по утрам правое плечо. Боль постепенно отступила, затаившись на границе сознания.

– Так, ничего пока. Ребята пришли – все. Вот я и бужу.

Леший кивнул. Нет что-то все равно не так. Плечо стало беспокоить чаще, но Алексей к этому уже почти привык – причина не в этом. Почему так тихо и душно? «Ясно, что мне тут пустыню навеяло».

– А что так темно и тихо?

– Да генератор опять сдох. Савелич в нем копошится – божится, что починит. А дети и бабы все на ферме. Так что с охотниками?

– Пошли. – Леший встал, натянул жесткий свитер, позволив себе поморщиться, когда всовывал ноющую руку в рукав – под грубой вязкой Гришка гримасы боли не увидит, – и перепоясался широким ремнем с висевшей на нем кобурой.

Убежище, расположенное в переоборудованных подвалах Центральной районной больницы, было погружено в полумрак. Редкие тусклые лампочки указывали светлой дорожкой коридор, где в самом конце слышались лязганье железяк и чертыханья хриплым мужским голосом. Убежище было непривычно пустынным. Понятно, что никому не хотелось сидеть в темноте, но как-то не по себе. Будто вымерли все. Леший даже остановился и поплевал через левое плечо, насколько эта мысль его испугала. «Ну, вот и в приметы стал верить. Раньше такого за собой не замечал. Старее, наверное».

Вдали затарахтел движок, и лампочки, мигнув, загорелись ярче, осветив длинный, обложенный белым кафелем коридор больничного подвала. Из генераторной, вытирая замаслен-

ные руки, вышел невысокий худой мужчина. Рассмотрев приближающихся к нему Лешего и Гришку, он безнадежно махнул тряпкой в сторону тарахтевшего за спиной генератора.

– Биотопливо, чтоб его... умаялся карбюратор прочищать – забивается через день, как по расписанию. Хоть бы капельку дизеля.

Леший сокрушенно покачал головой:

– Где ж его взять? Последнюю твою капельку из АЗС лет пять назад выкачали.

– Недолго он на нем протянет, – Савелич посмотрел на Лешего. – Что тогда делать будем – велосипед крутить?

Что ответить старику? Леший и без него видел, что ситуация все больше заходит в тупик. Маленькая община неуклонно скатывалась в средневековье. Охотники уже давно отложили весь «огнестрел», оставив последние боеприпасы на особый случай, и перешли на самодельные арбалеты и луки. Он не знал, что делать. Точнее, знал. Надо искать более сильную общину выживших. Но как это сделать? И больше всего он боялся, что не успеет этого сделать. Не хватит у него сил.

Пожав плечами, Леший повернулся спиной к электрику и направился к пролету лестницы, за которой в полумраке виднелась склепанная кузнецом из листов железа гермодверь. Что сказать на очевидное – по всем законам вероятности, да и невероятности тоже, они уже давно должны были вымереть, как динозавры. А уж запас прочности этого самодельного генератора, «слепленного» на коленке из движка полуразвалившегося «зилка», должен был не то, что закончиться, а даже и не начаться... собственно, как и всего убежища в целом. Чудо, что это все еще стоит... держится на честном слове и голом энтузиазме людей. Везде одни сплошные чудеса. И главное, самое большое чудо, что эти самые две с небольшим сотни людей борются за существование, цепляются за жизнь, умудряясь еще вырывать из этой безнадёги свои крохи счастья – право на маленькую цивилизацию. У них получилось организовать общину, наладить электричество, на ферме выращивались куры, свиньи и козы, на поле зрели картошка, морковь и свекла. Не бедствовали, но все вручную. Половина народа – дети и женщины – вкалывают на поле и ферме. Вторая – мужики, стоят дозором вокруг, отгоняя особо наглых диких животных. Город уже давно превратился в лес, по которому рыскают голодные твари. Коварно опасных нет... пока нет, но это лишь вопрос времени. Не зря охотники ходят по соседним деревням группами. Лес, окружающий город и уже пробующий его границы на прочность, стал похож на дикие джунгли. Не хуже тех, которые еще помнил Леший. Такие же непролазные и опасные. Жизнь среди таких джунглей трудна, но это все-таки не сравнить с тем, что они пережили в первые годы – страшный период, когда болезни, эпидемии, голод унесли девять из каждого десятка, не разбирая ни пола, ни возраста, ни уровня мастерства и значимости для всех. Вот оно – еще одно чудо: хоть кто-то остался к тому моменту, когда большая зима ушла.

И Леший во главе этой горстки упорных, не желающих признать своего поражения, людей. Он взял на себя эту тяжкую ношу, несмотря на то, что по натуре всегда был одиночкой. Почему именно он – не знал. Получилось как-то само собой. Люди шли к нему за советом, и он рассказывал все, что считал правильным, показывал, что умел. Кормил детей с большими голодными глазами. Подкармливал женщин, которые отнимали крохи от себя и детей – для своих мужиков, чтобы у тех были силы сходить с Лешим и принести хоть какую-то добычу. Тогда от того, что они принесут, зависели сотни жизней. Наверное, благодаря его отряду охотников они и уцелели в то страшное время. Скорее всего, община погибла бы в первый год. Но они выжили. Очень хотели – и выжили. Рыскали по вымерзшему городку и мертвым окрестным деревням в поисках скудных запасов, гоняясь за голодными и опасными зверями по заснеженному лесу, выкармливая каждую уцелевшую скотинку, отрывая от себя и споря до хрипоты с соседями о том, что ее надо сохранить, а не сожрать прямо сейчас. А потом, когда снег сошел, раздирали руки в кровь, снимая верхний зараженный слой земли. И радовались как дети первому «чистому» урожаю на своем «поле».

А теперь мир изменился, и приходится учиться наравне со всеми, но люди... люди продолжают приписывать все заслуги ему, продолжают спрашивать у него совета, хотя разбираются во многом уже гораздо лучше. Приятное, но тяжелое бремя лидера. Все успехи общины ставились в заслугу главе, но и все ошибки твоих людей также приходится брать на себя. Две стороны одной медали.

За спиной лязгнули запоры внутренней гермодвери. Небольшой тамбур, служивший плюзом, был пуст. Множество шкафчиков с висящими в них армейскими ОЗК, противогазами и «боевками», добытыми в соседней пожарной станции, загромождали все стены. Никто ими не пользовался последние лет пять. В городе, за исключением пары мест, было чисто, а охотники предпочитали костюмы из грубой кожи и респираторы. Резина и прорезиненный брезент сковывали движения и отпугивали запахом дичь, поэтому надеть их для охотника – это верная примета вернуться с пустыми руками. Леший толкнул внешнюю дверь, и та со скрипом открылась.

– Опять не закрыли? – Алексей строго посмотрел на Гришу.

– Да на фига? Все и так во дворе стоят, а там еще и внешние посты, да на крыше наблюдатель. Мимо ни одна гадина не проскочит.

– Учю вас, учу... – Леший махнул рукой, после чего развернулся и закрыл дверь на запор.

Длинный коридор пристройки заканчивался открытыми нараспашку грязными стеклянными дверями, возле которых, сидя на выцветшем, некогда красном пластиковом стуле и положив на колени незаряженный арбалет, дремал мужичок.

– Вот тебе твой пост, – Леший потряс часового за плечо.

– А, что? Я не сплю. – Мужичок вскочил и, схватив арбалет под мышку, начал усиленно протирать заспанные глаза.

Последний спокойный год расслабил людей. Ничего крупнее дикой собаки в город не забредало. Собрали хороший урожай. Первый год, когда община жила в относительном достатке. Не может быть все так хорошо, когда вокруг все так плохо. Верный признак затишья перед бурей. И как это обычно бывает, большие проблемы застигают людей в момент наибольшей их расхлябанности.

На улице былолюдно. Если бы не пятиэтажное здание в стиле модерн – точь-в-точь двор какого-нибудь средневекового замка. Стайки детей бегали вокруг центрального колодца, играя в догонялки. Справа в углу на огне стоял огромный закрытый котел. По сложной системе труб в металлический бидон капал «первач», из которого Химик впоследствии «наколдует» биотопливо. Слева, на уходящих вдаль грядках, возились женщины, окучивая взошедшую картошку. Прямо напротив центрального входа в здание, под навесом, кузнец раздувал угли огромными мехами. Охотники собрались возле большого верстака, с интересом разглядывали только что выкованные наконечники для стрел и лезвия охотничьих ножей. Слышались одобрителный гул и полушутливая дележка. Не хватало только конюшни с лошадьми. Вместо них прямо возле небольших решетчатых ворот поблескивал фарами старенький милицейский «уазик».

– Все пришли?

– Нет, северной группы еще нет. Группа Михея пошла по дороге на Озерный.

– Да, большой поселок. Там мы еще не были. – Леший сел на лежащее возле колодца бревно. Дети побегали еще, но осознав, что взрослые заняли место их игры и не собираются его возвращать, переместились ближе к пытящему на костре «бурбулятору», развлекаясь тем, что подкладывали в огонь щепки и мелкие палочки. Из небольшого грубо сколоченного домика выскочил Химик, вооруженный хворостиной, и дети с визгом смешанного страха и восторга удрали на поле, под защиту матерей.

Леший улыбнулся деланной хмурости и строгости Химика. Добрый мужик, и детей любит, а как умерли его жена и оба сына, так и остался бобылем. Нянчится со своим само-

гонным аппаратом – «бурбулятором». Правда, благодаря ему община хоть с каким-никаким, а топливом.

– Давно ушли?

Гришка посмотрел на мутный кругляк солнца, просвечивающийся через облака:

– Должны уже вернуться. Я им сказал дальше Пречистого не соваться. Посмотреть дорогу, и назад.

– Подождем, – кивнул Алексей. У него были большие планы на этот поселок – удаленный от крупных городов, с собственной ГРЭС. Даже если там никто не выжил за великую зиму, их общине это место очень подходило. После первой разведки он даже хотел лично съездить туда.

– А чё ты меня Комком спросонья обозвал? – Гришка присел рядом, всем своим видом показывая, что отмахнуться от назойливого воспитанника какой-нибудь малозначительной фразой не получится.

– Приснилось, – все же сделал робкую попытку Леший. – Командир это мой. Был.

Но Гришка так просто не сдавался, требуя подробностей.

Леший понял, что отвертеться не выйдет. Он не любил возвращаться в прошлое. Слишком больно, слишком много он потерял там.

* * *

Желтый песок, красные скалы и голубое, без единого облачка, небо. Вот такой триколор... чужой, непатриотичный. А Родина захотела, чтобы пятеро вооруженных до зубов русских парней оказались здесь – в центре Ливийской пустыни. В самом ее сердце. Для того, чтобы вытащить из нее еще двух мужиков и одну бабу, не менее русских и уж совсем тут неуместных. Вообще-то, в легенде задания никаких женщин не предусматривалось, но как-то так повелось с незапамятных времен, что там, где русские, ничего по плану не происходит. Наверное поэтому, когда наша штурмовая пятерка снесла охрану базы полевого командира (тот с полной свитой, по данным разведки, был где-то недалеко от Бенгази и договаривался о выкупе за двух российских инженеров-нефтяников), мы уже сильно не удивились, когда, сбив навесной замок и открыв тесную камеру, вместо двух курносых скуластых сивых рож увидели миловидную девушку – не менее курносую, и даже более сивую, но совсем не значившуюся в планах. Мужики тоже присутствовали, но ее: «Мальчики, это же наши!»... И полные слез голубые огромные глаза. Какие уж тут планы... все пошло наперекосяк.

Охрана очухалась быстро... очень быстро. А чего еще ожидать от народа, где даже дети разбираются в оружии лучше, чем в игрушках? От моря к лагерю приближалась пылевая туча, и урчание моторов говорило о том, что это вряд ли была песчаная буря «Гиббли». Надо уходить. Срочно... быстро... немедленно. И самое плохое в этом, что большого выбора в направлениях нет – свободным оставался только путь в пустыню.

Монгол возвратил к жизни грузовик с жутким зенитным пулеметом на грубо сваренной металлической конструкции в кузове, и мы растворились в мареве ближайшего миража. К тому моменту, когда комок¹ решил, что мы так вот и выберемся в зону эвакуации на колесах, мотор многострадального грузовичка два раза чихнул и, предсмертно выдохнув из-под капота облако пара, окончательно заглох.

Малая боевая группа спецназа ГРУ – пятерка крепких бойцов в тяжелых пустынных «ратниках»², обвешанных оружием и снаряжением, двое худых бородатых мужиков в джинсах, рваных рубашках и, почему-то, в галстуках, и девушка в шортиках а-ля Сабрина и топике цвета «вырви-глаз» – пестрая компания.

¹ Комок – командир группы (спец. жаргон).

² «Ратник» – боевой костюм; включает в себя вооружение, защиту и средства коммуникации.

Мир сузился до четырех барханов: два по бокам, тот, через который мы только что перебрались, украшенный цепочкой следов, и следующий, нависающий над нами непреодолимой преградой – карой за то, что имели право надеяться на лучшее. Ноги вязнут в песке, каждый шаг мучение, но гражданские – молодцы, держатся. Особенно девчонка. Спотыкается, но упорно лезет за тренированными, повидавшими лихо крепкими спецназовцами. Ползет на четвереньках по осыпающемуся склону, несмотря на усталость, горячий песок и жару, будь она неладна.

Я иду последним – замок, как-никак³. Ёмко и конкретно, как всё в жизни бойца. Оглянулся. Странное место. К нему нельзя подготовиться, его можно только принять или родиться тут. Наверное, так и выглядит Марс. Мир уныл, но одновременно величественно красив. Желтый песок, красные скалы. Днем молим бога, чтобы солнце скорее зашло и прекратило испепелять поверхность, а ночью, когда температура едва ли не до плюс десяти, мечтаем о восходе. Да, плохо придется девчонке в ее «униформе», когда лишь улыбчивая Луна выберется на небосвод.

Расстояние скрадывается, глазу не за что зацепиться. Далеко в дымке за спиной скрылись красные столбы скал, где остался разгромленный лагерь. А впереди – другие скалы: черные, похожие на пирамиды. Где-то за ними кончается бесполетная зона, а это долгожданный вертолет, отдых на корабле, выполненное задание. А пока... пока до этого надо дойти, дожить, дотерпеть.

Горизонт расплывается в мареве. Горячее небо плавит песок при соприкосновении с ним, и только чуть ближе можно различить контуры порядком опостылевших барханов. Что-то мешает, как будто запылились противоосколочные очки. Протер их тыльной стороной перчатки – нет, не показалось. Пустынный пейзаж неожиданно дополнило облако пыли. Я вскинул в свой «Винторез»⁴ – четырехкратное увеличение сильно не улучшило видимость и не прояснило ситуацию. Одно понятно – это погоня. Призвав гарнитуру переговорника, встроенного в кевларовый шлем, тихо произнес: «Командир, посмотри».

Шедший вторым за чуть выдвинувшимся вперед Монголом, Комок оглянулся на меня и, видя, что я указываю куда-то далеко, чуть ли не на Сицилию, кивнул и проворно вскарабкался ко мне на гребень бархана.

– Что тут?

– Похоже, погоня, – я все еще прижимал приклад оружия к щеке, разглядывая через оптику подозрительное облачко.

Комок достал из разгрузки дальномер.

– Почти пять километров. Скорее всего это там, где мы машину оставили. Они на своих джипах сюда не сунутся, пешком пойдут.

Пылевое облачко разделилось на два. Одно стало довольно быстро перемещаться с запада на восток, туда, где горная гряда практически уходила в море, а второе, повисев на месте, стало медленно приближаться к нам.

– Явно не пешком. Надо ускориться – они нас в клещи хотят взять. – Бойцы и гражданские расселись в низинке и томно шурились на солнышке, пока начальство обсуждало ситуацию, а девушка жадно пила из фляжки Монгола.

– Подъем. Аллюр три креста! У нас гости, и нам надо первыми добежать до гряды. – Комок съехал вниз, поправляя амуницию. – Всё, барышня, нечего рассиживаться. Хотите побыстрее домой – поднимайте фигуру, и вперед.

³ Замок – заместитель командира группы, как правило замыкающий в боевом строю (спец. жаргон).

⁴ «Винторез» – ВСС «Винторез», стрелковое автоматическое оружие калибра 9×39 мм. Наиболее распространенное оружие спецназа.

Судя по данным на боевом планшете командира, до скального кряжа оставалось три с небольшим километра. Для подготовленного бегуна – десять минут. Мы были подготовлены, и еще как подготовлены. Но попробовали бы вы побегать в полной выкладке: «ратник», вооружение, амуниция – всего около двадцати килограммов, да по сыпучему песку, постоянно с горы на гору, да еще и таща на себе практически выдохшихся гражданских. «Фигура» стойко держалась на своих длинных ногах... первые пару сотен метров. А вот потом они не выдержали издевательств и то и дело норовили уронить все остальные прелести на горячий песок. В результате остаток пути девушка, вяло перебирая нижними конечностями, провела на плечах своих сопровождающих, которые передавали ее, как эстафетную палочку, не снижая при этом скорости передвижения.

Первые черно-красные каменные столбы выскочили из песка, как черти из ада. Барханы закончились, и бежать стало легче – песок плотным грунтом лежал под ногами, отзываясь, после шелеста барханов, гулким звуком на каждый шаг, как будто люди бежали не по нему, а по большому колоколу. Комок, вскарабкавшись на ближайший валун, похожий на свернувшегося клубком медведя, с интересом вглядывался в сторону уходящей вдаль цепочки наших следов. Потом достал дальномер, глянул и выплюнул зло:

– Верблюды, твою мать!

Взобравшись к нему, я вскинул «Винторез». Далеко в песках, постоянно ныряя в низины и выныривая на гребни, активно лупя пятками по бокам длинноногих кораблей пустыни, к нам скакала целая ватага наездников. Всадники с замотанными в синие платки-тагельмусты головами, закрывающими лица, оставляя только глаза, и в белых балахонах, перепоясанные пулеметными лентами, выглядели довольно грозно. Наши же родные «калаши» били прикладами по крупам неугоминых животных, а один огромный бербер-туарег даже тащил на себе снятый со станины здоровый, выдавший виды, тяжеленный, «Утес»⁵.

– Ты туда посмотри. – Командир постучал меня по плечу и указал на север.

Ствол ВСС послушно повернулся в указанном направлении. С севера, со стороны моря, поднимая тучи пыли, к нам неслась целая армия. Несколько внедорожников с установленными на кузовах крупнокалиберными пулеметами лавировали между черными столбами скал. И еще грузовичок, брат-близнец угнанного нами, тяжело переваливаясь, объезжал очередной валун. Судя по просадке, загружен он был на пределе своих возможностей.

Командир посмотрел на гражданских. Двое мужчин и девушка жались в узкой полоске тени, и вид у них был явно не товарный.

– Очень они нужны местному царьку... – он еще раз взглянул на приближающуюся маленькую армию. – Не уйдем мы с ними. Значит так, Леший, бери гражданских и уводи их через проход в скалах... доберись до зоны эвакуации. – Комок предупреждающе поднял ладонь, как бы заранее предотвращая мои возражения. – Я могу только тебе доверять. Если ты не доведешь – никто не доведет.

– А вы? – задал я вопрос, хотя ответ на него знал прекрасно.

– Сцепимся и утащим их на юг, в пустыню. Повезет – значит, выберемся. – Он снова прильнул к окулярам прибора и добавил, уже не отрываясь: – Уходите, у вас фора минут десять, не больше.

Обсуждать больше было нечего. Приказ надо выполнять, даже если он звучит не в приказной форме. А тратить на болтовню драгоценное время, когда каждая секунда уже во всех смыслах сокращает жизнь, – неоправданная роскошь. Спрыгнув с валуна, я подошел к гражданским. Тень не давала прохлады, но создавала хотя бы видимость оной. Мужчины и девушка устало поднялись на ноги.

⁵ «Утес» – НСВ-12,7 «Утес», советский 12,7-мм крупнокалиберный пулемет, предназначенный для борьбы с легкобронированными целями и огневыми средствами, для уничтожения живой силы противника и поражения воздушных целей.

– Вы со мной. Уходим быстро. Не отставать. Двигаться только по камням, на песок не сходить. Стрелять кто-нибудь умеет?

Руку поднял один. Я вынул из нагрудной кобуры разгрузки «Пернач»⁶ и протянул «счастливчику».

– Без приказа не стрелять.

Мужик кивнул и сунул пистолет за пояс.

Грозный у меня помощник. Я посмотрел на бойцов группы. Четверка залегла по периметру временной стоянки, контролируя каждый свой сектор, и бойцы даже как будто не обращали внимания на то, что отряд разделяется. Только Монгол улыбнулся и постучал ладонью мне по шлему, желая удачи.

– За меня парочку... – указал я на винтовку в его руках.

Он погладил по прикладу СВУ⁷:

– Не волнуйся, гости обиженными не уйдут. – Монгол сощурился, сверкнув белозубой голливудской улыбкой на фоне загоревшего до черноты лица, и стал похож на воина Великого хана, подтверждая свой боевой позывной.

Уходить, зная, что спину прикрывают ребята, было тяжело. Я бы поменялся с любым, но каждый должен делать свое дело. И потому я мысленно пожелал остающимся удачи, а потом отключил на гарнитуре микрофон, словно обрывая связь с прошлым. Рация на прием еще позволит некоторое время слышать бой, но теперь я ребятам не помогу. У меня свой путь, у них свой.

Прыгая с камня на камень, я вывел своих подопечных в узкое ущелье. После яркого солнца полумрак нависающих над нами скал давил. Было ощущение, что они уже сдвигаются над нами. Жара и яркий свет остались где-то далеко позади. Тут тень и только эхо шагов носилось от стены к стене. Где-то далеко впереди ущелье выводило на новую равнину, заполненную такими же барханами, как и те, что остались за спиной. Там можно включить маяк и ждать «вертушку». Но что-то не пускало туда. Я чувствовал, что там нас ждут. Все мое нутро кричало, что туда нельзя. Это только в геометрии прямая – наикратчайший путь. Жизнь давно опровергла это правило. Я свернул в ответвление, ведущее на север.

Голосом Комка ожили наушники, вмонтированные в шлем:

– Гром, на правый фланг, держи машины. Монгол можешь убрать здоровяка с «Утесом»?... щщщ...

– Сделаем командир... щщщ...

Где-то издалека донесся хлесткий выстрел СВУ, затем еще один.

– Цель уничтожена... щщщ...

На пределе слышимости заговорили «калаши» туарегов. Отвечали ли им спецназовцы? Конечно, но выстрелов «Винторезов» на таком расстоянии слышно не было. Судя по тому, что «голос» оружия всадников постепенно затихал, ответ был достойный. Басовито загрохотал «Печенег»⁸ Грома, ему ответили крупным калибром.

– Монгол, к Грому, поддержи огнем... щщщ...

– Есть... щщщ...

К пулемету присоединились выстрелы из снайперки. Мне не надо было присутствовать, чтобы видеть картинку боя. Я мог только сжимать зубы и ускорять шаг, чтобы быстрее вывести гражданских в зону относительной безопасности. Где-то далеко прогремел одиночный взрыв.

– Монгол, гранатомет – правая машина... щщщ...

⁶ «Пернач» – ОЦ-33 «Пернач» – российский автоматический пистолет.

⁷ СВУ – СВУ-АС (Снайперская винтовка укороченная) – самозарядная снайперская винтовка. Аббревиатура АС обозначает, что винтовка снабжена режимом автоматического огня и сошками.

⁸ «Печенег» – 7,62-мм пулемет «Печенег» – российский единый пулемет, разработанный на основе ПКМ. Предназначен для поражения живой силы противника, огневых и транспортных средств, воздушных целей.

– Цель вижу... щщщ...

– Гром, Монгол, меняйте позицию, прикры... щщщ... отходим на юг... щщщ...

Связь становилась все хуже, постоянно прерывалась. Бой и беглецы расходились в разные стороны, скалы тоже не улучшали прохождение сигнала, и скоро наступил тот момент, когда вместо переговоров в наушниках остался лишь треск помех. Но далекие выстрелы из крупного калибра и редкие взрывы говорили, что ребята еще держатся.

Ответвление ущелья сужалось и, в конечном итоге, привело в тупик. Нечто подобное я и ожидал. После осмотра вертикальной стены, на первый взгляд абсолютно гладкой, мне стало ясно, что не так все плохо: на высоте примерно десяти-двенадцати метров возвышалась терраса. При определенном навыке и небольшой удаче можно туда взобраться, а дальше... дальше будет видно.

Я снял рюкзак, скинул на землю разгрузку, шлем. Девушка и парни смотрели на меня глазами, полными восхищения и ужаса. С неохотой протянул парню, которому раньше давал пистолет, свой «Винторез».

– Как тебя зовут?

– Сергей, – он немного подумал, – а это Николай и Татьяна. А вас как зовут?

– Зовите меня Леший. Вот что, я сейчас залезу вон туда, а ты держи проход.

– А что, могут?...

– Не должны, но на всякий случай.

Я достал из рюкзака альпинистское снаряжение: моток веревки, карабины, фиксаторы, спусковики и оценивающе посмотрел на стену. Первые метры прошли на удивление быстро, а вот дальше... дальше стало труднее – наклон под самой террасой стал практически отрицательным, и на нее я вскарабкался только на пальцах и на матерных словечках, которые шептал себе под нос для душевного равновесия. Отдышавшись, я посмотрел вниз. Увидев меня, Татьяна запрыгала, хлопая в ладоши, как маленькая девочка, увидевшая цирковой номер. Терраса узкой тропинкой огибала скалу, постепенно поднимаясь по спирали выше. В принципе для меня она не представляла большой сложности, но что делать с гражданскими? Вот запакирует эта хлопающая в ладошки, и что? Вызывать пожарников? Но выбора не было. Закрепив веревку, я скинул конец вниз.

– Привяжите рюкзак, разгрузку и оружие.

Так, по очереди, я поднял сначала снарягу, затем чуть не надорвался, втаскивая более крупного Николая, затем, уже вдвоем, мы подняли повизгивающую от ужаса Татьяну, и уже последним – добросовестно несущего дозор Сергея. К тому моменту, когда все оказались на террасе, я осознал, что уже давно не слышу выстрелов и взрывов. Эфир тоже молчал. Хотелось надеяться, что бой укатился так далеко, что звуков его уже не слышно, или ребятам все-таки удалось оторваться. Но... ох уж это «но». Слишком большой перевес в силе... Я молча натянул аммуницию. Ребята все понимали. Не дураки. Татьяна даже носом зашмыгала.

– Обвяжитесь веревкой. Идем медленно, прижимаемся к стене.

Сухая шершавая стена притягивала к себе, как магнит. Это только со стороны тропинка казалась широкой дорогой – когда под ногами всего лишь полметра неровной наклонной поверхности, а внизу в полумраке скрываются острые камни, стена кажется такой родной и близкой. Татьяна, цепляясь тонкими наманикюренными пальчиками, мелкими приставными шажками шла между Сергеем и Николаем. В отличие от кроссовок мужчин ее балетки меньше всего были приспособлены для путешествия по скалам. Ноги постоянно соскальзывали, и если бы не веревка, обвязанная вокруг ее талии, и крепкие руки мужчин...

– Долго еще? – ее умоляющий взгляд и кровоточащий сорванный ноготь говорили, что девушка уже на пределе.

– Сам здесь впервой, – я пожал плечами, но в бронежилете и разгрузке движение получилось скованным и нелепым. – К вечеру куда-нибудь доберемся.

А вечер был уже не за горами. Точнее, как раз туда он и закатился. Обойдя гору, мы оказались на восточной ее стене, и солнце, скрывшееся за горой на западе, намекало, что до ночи осталось не так уж и долго. Заканчивалась тропинка небольшой площадкой, и дальше никакой дороги не было – вертикальная стена вверх и вниз.

– Можно чуточку отдохнуть? – не дожидаясь ответа, девушка устало рухнула прямо на голые камни. Она с ужасом рассматривала свои поломанные ногти и стертые до крови голые коленки. Парни опустили рядом и пустили по кругу флягу с водой.

– Водой не увлекаться, по паре глотков, не больше.

Перед нами расстилалась песчаная равнина. Где-то далеко за ней Египет с его пирамидами. Но он так же недостижим, как и родная Россия. Какие-то солнечные зайчики прыгали по камням справа возле самого предгорья. Если я не заблудился, где-то в том месте выход из ущелья. Открыв защитные крышки прицела, я поднял «Винторез». Солнце за спиной, и оптика бликовать не должна.

Чуйка меня не подвела. Не зря мучились и сбивали коленки – впереди нас ждали. И ждали серьезно. Заслон был рассчитан на то, чтобы закупорить всю группу: крупнокалиберный «Утес», держащий на прицеле выход из ущелья, способен смести целую армию. Да еще пехота – я насчитал десяток, но наверняка их больше – вон в сторонке стоят два грузовых внедорожника.

Солнце уже совсем опустилось за горный кряж, и тени удлиннились, пожирая бело-желтые пески пустыни. Надо спускаться. Главное, чтобы веревки хватило.

Слава богу, веревки хватало с запасом. Снова предстояло решать задачку про волка, козла и капусту. Но лиха беда начало – первый раз получилось, выйдет и сейчас. Зафиксировав специальным узлом за выступ веревку и вручив Сергею «Винторез» с пожеланием не стукнуть оптику об камни, я отправил парня вниз. Следующим довольно сноровисто съехал Николай. Последней бережно спустили Татьяну. Я не стал заморачиваться долгой фиксацией и спрыгнул на спусковике, лихо затормозив у самой земли.

– А как мы веревку снимем? – Татьяна с сожалением смотрела на прочный нейлоновый альпинистский канат, вытянувшийся по всей длине.

– А вот так, – я взял за конец веревки и круговым движением сдернул ее вниз. Наверху щелкнул страховочный узел, и веревка петлями слетела на землю. Гор впереди больше не намечалось, но я не привык раскидываться снаряжением – аккуратно все собрав, упаковал в рюкзак. Сергей держал «Винторез», как мужики держат новорожденного младенца, в той же позе и с тем же ужасом в глазах, боясь что-нибудь поломать. По-моему, он испытал еще большее облегчение, чем я, когда забрал оружие обратно.

– Все, ребята, надо поторапливаться. Скоро стемнеет.

Быстрым шагом, который был больше похож на бег трусцой, мы спустились с предгорья. Темнота напозла с востока очень быстро. За какие-то минуты зажглись первые звезды. Никогда не привыкну, как темнеет на юге: будто выключатель нажали. Чик – и все, уже ночь. Трудно рассчитать время, которое у тебя осталось до темноты.

До торчащей из песка странной плоской скалы, которую я заприметил еще в полумраке, мы добирались уже практически на ощупь. Хлопнув по ее теплому боку, я с удивлением услышал отзвук металла. С недоверием включил тактический фонарик и осветил на красно-желтом, ржавом боку черный крест и полустершуюся эмблему – белого слона. Это был огромный древний танк «Тигр»⁹, стоявший тут еще со времен войны Пустынного лиса. Засыпанный песком почти по самую башню, с разорванным в виде тюльпана стволом, но все еще грозный и

⁹ Т-VI «Тигр» – немецкий тяжелый танк времен Второй мировой войны. Эмблема «Белый слон» говорит о принадлежности к экспедиционному африканскому корпусу под командованием фельдмаршала Эрвина Роммеля, получившего прозвище Пустынный лис.

внушающий уважение. Башня, немного повернутая в сторону пустыни, указывала обрубком ствола туда, где, по его мнению, засел враг. Старый воин до сих пор вглядывается в темноту, выискивая своих обидчиков: «Шерманов» и «Валентайнов»¹⁰. Броня с множеством отметин от попаданий, похожих на оспины от перенесенной болезни, устояла и не поддалась их коварным укусам, а вот собственный «бивень» не выдержал и сломался, вскрывая неуступчивые панцири боевых английских черепах...

* * *

Громкий свист прервал монотонный голос Лешего. Рассказ настолько увлек слушателя, что звук, как ударом обуха, вернул Гришу в реальность. Дозорный на крыше перегнулся через парапет, рискуя свалиться, и указывал зажатым в руке биноклем куда-то в сторону уходящей вдаль Смоленской улицы.

– Что там? – Леший задрал голову, смотря на торчащего на крыше дозорного.

– Михей кого-то тащит. Далеко еще, только в город зашли.

Леший вскочил с толстого бревна и, указав Грише на «уазик», приказал:

– Давай в машину.

¹⁰ «Шерман» («Светлячок»), «Валентайн» – средние танки, стоявшие на вооружении в объединенной армии антигитлеровской коалиции, воюющей в Северной Африке.

Глава 3

Жизнь прекрасна?

Боль! Вначале она осторожно пробиралась сквозь баррикады, что соорудил мозг Иры, медленно и аккуратно пробуя сознание на вкус. Выбирая отдельные участки и смакуя их реакции. Ирине первое время даже это нравилось: была хоть какая-то новизна ощущений. Но постепенно боль, просочившись сквозь мелкие щелочки в защите, заполнила собой все уголки сознания девушки, оттеснив мысли и воспоминания. Она не могла думать больше ни о чем, кроме как о боли. И когда уже казалось, что терпеть больше нет сил, боль сорвала плотину защиты и волной окатила все сознание Иры. Только тогда она закричала. Заорала, что было сил, всем своим существом, вкладывая в этот крик всю боль, все одиночество, что пытали ее в последнее время. Ей казалось, что услышать этот вопль должна вся планета, но в реальности наружу пробился лишь слабый стон, чуть более громкий и затяжной выдох, не более.

Она не знала, что прорвало завесу: поток боли или этот крик души, но слабый звук, что у нее получился, – это огромная победа. Именно после того, как он прорвался, она стала ощущать свое пересохшее горло и нестерпимую слабость во всем теле. Никогда бы Ирина не подумала, что эти два, в общем-то, плохих признака состояния здоровья могут так обрадовать человека. Эти два, да еще боль. Но к боли она уже стала привыкать. Та, прорвавшись к ее сознанию, отхлынула и собралась где-то в области правой ноги, поглядывая на хозяйку озорными глазками нашкодившего котенка.

Странное ощущение – изучать собственное тело, словно только что с ним познакомилась. «Ноги – на месте, правая только болит. Руки тоже на месте – правую кисть, перебирая пальчики, кто-то держит. Голова?...» Попыталась повернуть ее, но новый взрыв боли в ее правой половине заставил отказаться от этого намерения. «Что-то слишком много у меня болит – значит, точно не умерла». Все тело прижимала к постели невероятная слабость, и... очень хотелось пить.

– Пить... – Ира не узнала свой голос. Он был хриплый, чужой и очень тихий. Попыталась прокашляться, чтобы громче повторить просьбу, но все силы ушли на столь малое и выматывающее действие одновременно – покашливание. Второе «пить» застряло в пересохшем горле, зацепившись за пересушенные связки. Но кто-то услышал слабые попытки девушки достучаться до окружающих. Влажная салфетка промокнула губы, и живительная вода попала в рот. С трудом Иринка разлепила веки, точнее, только левое – правый глаз открываться категорически оказывался. «Ну и ладно», – беззаботно подумала девушка.

Яркий свет люминесцентной лампы, висящей над кроватью, ослепил, но постепенно размытые темные и радужные пятна собрались в лицо. Симпатичное, встревоженное, девичье лицо. Ее собственное лицо.

– Алинка, – одними губами, почти беззвучно прошептала девушка.

Сестра улыбнулась и еще раз протерла ей губы салфеткой.

– Тихо, не надо...

Что «не надо» Ирина не знала. Правда, если бы даже что-то и было надо, сил на это совершенно не хватало, поэтому она просто закрыла глаз. На душе от того, что рядом сидела сестра, стало очень тепло. Алина жива и здорова, сидит рядом, держит ее за руку, ухаживает за ней. Ради этого стоит и очнуться хотя бы на минутку. Теперь и помирать не страшно.

Кривила душой Ира: страшно помирать, до чертиков страшно. Потому и цеплялась за жизнь, как утопающий за соломинку, поэтому, с перепугу, и убила ящера. А теперь точно не собиралась сдаваться – зря, что ли, терпела пытку одиночеством в собственной голове? «Блин, зря напонила!» Через прикрытое веко проникал свет и его розовый оттенок был слишком

похож на радужную пелену, окутывающую ее сознание, когда она была в коме. Ирина, отгоняя дурные мысли, открыла глаз. Алина никуда не делась, значит, не померещилось.

– Как ты? Болит что?

«Нет, все-таки Алинка на редкость дурная. Как я ей отвечу на эти вопросы? Конечно, болит и, конечно же, плохо. Я вообще еще пять минут назад умирала». Ира улыбнулась одними уголками губ. «Как я люблю ее непосредственность: сначала говорит, а потом думает... и то, если повезет».

– Улыбаешься – значит, уже лучше. А то лежишь, даже не моргаешь. Я так за тебя испугалась, – Алина понизила голос, как будто ее кто подслушивал. – Когда тебя принесли, думала, что ты мертвая. У меня со страху даже рука прошла. Думала, по сравнению с тобой я вообще легко отделалась. Права ты была тогда – дуры мы. Зря поперлись. Меня Максим нашел. Ой, да ты не знаешь. Максим нашелся! Латышева спас и меня спас... ну, потом, вместе с Латышевым. А потом уже Сан Саныч тебя нашел. Говорят, что тебя дикари принесли.

Ира слушала сестру и удивлялась. Казалось, что за эти три недели, что она отсутствовала или лежала без сознания, прошла целая жизнь. Битвы, дикари, драконы, мужественные храбрые рыцари-сталкеры, спасающие прекрасных дам из лап злодеев и чудовищ – хватит на несколько романтических историй. Больше всего удивляло, что непосредственным участником всех событий был ее Максимка... и, если верить словам сестры, Алинка. А она... она всего лишь спящая красавица. Да еще и с переломанными ногами.

– Ой, у тебя лекарство закончилось! Сейчас, подожди, я систему отключу. Я тут пока лечилась, всему научилась, – Алинка на радостях трещала, не замолкая. – Хочу у тети Марины учиться остаться. Может даже, как и она, врачом стану.

Ира устала. Находиться в сознании – очень утомительное занятие. Она снова закрыла свободный от повязки глаз. В палате пахло лекарствами и чистой постелью. Очень приятный запах, успокаивающий и даже убаюкивающий. Над головой пощелкивал люминесцентный светильник. Наверное, это действие лекарства: боли почти нет, так тепло и уютно. Она только сейчас почувствовала себя дома. Все, что произошло с нею там, на поверхности, было всего лишь страшным сном. До жути реальным, но сном.

– Ну, что тут у нас? – дверь открылась, и в палату зашла мама Максима.

– Ой, тетя Марина, она очнулась! – Алина отодвинулась от кровати, уступая место. – Я систему отключила.

Ира открыла глаз. Женщина склонилась над ней, внимательно рассматривая его, затем зачем-то подняла веко.

– Ну ничего... Посмотри в сторону...

Ира послушно скосилась на стену.

– Хорошо, – удовлетворившись, произнесла тетя Марина. – Как себя чувствуешь?

– Нормально, – шепотом произнесла Ирина. – Нога болит... не сильно.

– Неудивительно. А голова болит?

Ирина попыталась отрицательно покачать тем, что не болит, но резкая боль в правом виске заставила замереть и сжать одеяло в кулаке.

– Понятно. Ты пока старайся головой не вертеть. Уже все заживает, но танцевать пока рано, – тетя Марина обнадеживающе улыбнулась. – Главное, очнулась, а остальное поправим.

«Очень похоже на попытку успокоить обреченного. Но не требуется большого копания в себе, чтобы определить, что до танцев мне еще далеко, если вообще дело дойдет». Боль из головы расплылась по всему телу и медленно собралась в ногу, неподвижно лежащей на шине. Ирина даже не заметила, как глаз заблестел от навернувшейся слезы. Рядом захлопала носом Алина.

– Ну вот, развели мне тут сырость. Два кондиционера. Так все силы на влажность уйдут. Выздоровливать надо, а не слезы лить, – врач повернулась к сестре: – Ты хоть прекрати рыдать.

Алина закивала и поспешно утерла глаза рукавом халата.

– Все, всеобщая мировая скорбь закончилась? – и, получив от Алины очередной утвердительный кивок, мать Максима продолжила: – Тогда иди, оденься в «чистое» и принеси из процедурной все для перевязки. Как прошлый раз, помнишь?

– Да, конечно, я сейчас. – Алинка спохватилась и умчалась за дверь, чуть не столкнувшись на пороге с входящими в плату Изотовыми.

Максим-отец кинул взгляд на моргающую Ирину, улыбнулся и констатировал:

– Очнулась, – и, не стесняясь ни сына, ни больную, спросил супругу: – Ты ее уже смотрела? Как она?

– Полностью нет, сейчас перевяжем вместе – определимся, а так... Выраженный болевой синдром при движении в шее. Дисфонии нет, глазодвигательная моторика в норме, нистагм незначительный, реакция зрачка на свет хорошая. В общем – я довольна.

– А бедро?

– А, что бедро? Без рентгена репозицию мы не проконтролируем, а консолидация в любом случае будет – молодая...

– Э-э, предки, а можно перейти с тарабарского на доступный русский? – возмутился Максимыч. – Мне, как бы, тоже интересно.

– Все, что тебе надо знать – что Ира жива и поправится. – Отец взял сына за плечи и мягко, но настойчиво развернул его к двери. – А пока иди, посиди дома, а мы тут поработаем.

– Что ты меня выпроваживаешь? Будто я никогда в жизни ран не видел...

– Может, девушка будет стесняться?...

– А, ну да... – Максимыч рассеянно посмотрел на Иру. Белая, похожая на перекосившуюся шапку повязка сливалась с наволочкой, и казалось, что ее лицо испуганно выглядывало единственным глазом прямо из подушки. Он обнадеживающе улыбнулся девушке и вышел, а в палату, пытаясь через марлевую повязку, вошла Алина в желтоватом от множества стерилизаций хирургическом халате. В руках она несла широкий белый эмалевый лоток, похожий на глубокий поднос, на котором сверкали серебристые медицинские инструменты, лежали горкой стерильные марлевые салфетки и бинты, звякали друг об друга пузатые бутылочки с разноцветными жидкостями.

– Принесла? Молодец. Начинай аккуратно развязывать, мы сейчас переоденемся и подойдем.

– Что, одна? – но вопрос повис в воздухе, поскольку Изотовы уже вышли, оставив новопеченную медсестру наедине с испуганно смотрящей на нее больной. – Ну, ладно. – Алина деловито натянула перчатки и взяла в руки угрожающего вида ножницы.

– Может, подождем? – с опаской прошептала Ира.

– Я ничего страшного делать не буду, просто сниму повязку. Делала это уже сто раз, – она срезала узел, – ну, раза два – точно.

Алина не стала посвящать сестру, что это было всего один раз, и то, под чутким руководством Максима Изотова-старшего. «В этом вопросе главное уверенность в действиях», – вспомнила она слова своего наставника, и смело приступила к разматыванию повязки. Старательно скатывая бинт – в мире, где экономилось буквально все, довоенная материя ценилась очень высоко, поэтому весь перевязочный материал стирался, высушивался, стерилизовался и пускался в новый оборот, – Алина освободила от него голову и замерла с расширенными от ужаса глазами, прикрыв рукой в резиновой перчатке рвущееся изо рта «Ой».

– Что там? – хотя второй глаз освободился от повязки, открываться он по-прежнему не желал, поэтому Ира скосилась и попыталась рассмотреть, что так удивило сестру. Естественно ничего не увидев, она снова потребовала разъяснений. – Что ты замолкла? Скажи, что там у меня.

– Там... – Алина оглянулась, ища поддержку у отсутствующих старших, но не найдя ее, стала выкручиваться сама. – Поцарапано... чуть-чуть.

То, что увидела Алина, с «чуть-чуть поцарапано» никак не вязалось. Правая половина головы представляла собой сплошное кровавое месиво: три линейные раны, будто на голове Ирины оставила отпечаток лапа неведомой хищной птицы. Самая длинная рана шла от макушки и скрывалась где-то далеко сзади, практически на шее. Средняя – самая короткая, но самая широкая и страшная, разрывала кожу на темени, прихватив мочку уха. Сочно-красное дно ее ярко контрастировало с бледной кожей девушки. И последняя, самая узкая, потому что была прихвачена несколькими швами, но самая заметная – шла через лоб, бровь, перескакивала через глаз, который заплыл темно-фиолетовым отеком, и заканчивалась на щеке разрывом, похожим на раздвоенный язык змеи. Красивые густые каштановые волосы Ирины, которые она всегда заплетала в косу, были острижены, и ежиком топорщились слева – справа голова была полностью обрита, отливая неестественной синевой.

Несмотря на это «чуть-чуть», на расширенные над марлевой маской для убедительности глаза, Ирина не верила Алине. Верила, скорее, ее первой реакции, замершему ужасу в дрожащем голосе. Верила своей боли, которая возникала при малейшей попытке пошевелить головой.

– Зеркальце есть?

– Нет! – и было в этом возгласе не столько отрицание, сколько категоричный отказ: «Не дам, ни за что, даже не проси!». Алина даже отшатнулась от сестры, наверное, испугавшись, что Ира в глазах увидит отражение своего лица.

Ее спасли родители Максима.

– Уже справилась. Не страшно было? – и, не дождавшись ответа, Изотов-старший продолжил: – Я же говорил, что главное не бояться. Так-с, что у нас тут?

Он осторожно приподнял голову Ирины и осмотрел рану на шее, потом обработал ее тампоном, смоченным жидкостью, от чего за ухом раствор зашипел и запузырился. Затем немного небрежно промокнул висок и замер, как художник перед картиной, любуясь результатом своего труда.

– Закрой здоровый глаз.

После чего, не боясь, раздвинул синие наплывы вокруг правого глаза. Яркая вспышка света прострелила мозг девушки, и разноцветные круги собрались в лицо отца Максима.

– Видишь?

– Да, – шепотом произнесла Ира.

– Отлично! Ну, что – я доволен. (Наверное, это любимая фраза их семейства. Или так говорят все врачи?) Струп отошел, грануляция хорошая, и эпителизация сзади началась. А спереди вообще супер – завтра швы снимем.

Если все хорошо, почему же Алинка так испугалась? Сильные руки врача ее особо не жалели, но движения были точные и причиняли не больше боли, чем это требовалось для обработки ран и перевязки. Оставалось лишь терпеть, скрипеть зубами, иногда постанывать, когда боль становилась совсем нестерпимой. Когда новая белая «шапка» водрузилась на место, и голову ее оставили в покое на подушке, Ира перевела дыхание и, собрав все свое мужество, спросила:

– Я уродина?

Осознание того, что она обезображена, ввергло Ирину в оцепенение. Ну вот и все – жизнь в понимании женщины закончилась. Стоило ли так бороться за нее, выкарабкиваться из беспомощности, чтобы потом провести остатки в одиночестве? Чтобы на тебя все показывали пальцем – умные жалели, а дураки смеялись. Смысл?... Да, конечно, можно продолжать учить детей, быть полезной обществу. Но женщина хочет быть красивой, и потерять красоту для молодой девушки – это все равно, что умереть. Умереть, как женщине.

Наверное, это все промелькнуло на лице Ирины, потому что Максим Изотов отрицательно помотал головой:

– Не-не-не, не все так плохо. Даже выбрось это из своей красивой головы.

– Где ж красивой? Издеваетесь?

– Да, сейчас как бы все не очень презентабельно. Но, во-первых, это непотребство заживет. Во-вторых, большинство шрамов не будет видно под волосами. Ну и, в-третьих, самое главное – это далеко не самое важное.

– Это для вас, для мужчин, неглавное и неважное, – у Иры не было сил спорить. И желания не было. И меньше всего она хотела сейчас, чтобы ее жалели. Да и вообще, кого-либо видеть. Особенно Максимку. Вопрос его выбора решился сам собой, поскольку в негласном соревновании с Алинкой она теперь явно проигрывала.

Глава 4

Не зная броду, не суйся в воду

Старый полицейский «уазик» рванул с места. Задний мост прокрутил колеса на мягкой грунтовке, приподняв немного передок машины. «Козленул», полностью оправдав свое народное прозвище – «козел». Леший включил передний мост, сделав машину полноприводной, то есть более устойчивой, отчего старик, чуть не снеся открывающиеся створки ворот и со скрипом тормозов вписавшись в вираж, во всю прыть понесся по прямой, будто начерченной по линейке, улице. Духовщина еще до Удара не отличалась высокой интенсивностью движения транспорта, а за последние двадцать лет возможность попасть в ДТП вообще стремилась к нулю, хотя, судя по помятым крыльям многострадального автомобиля, находились и такие умельцы. Поэтому машину брали только в экстренных случаях, с личного разрешения начальника.

Гриша, заскочивший в последний момент, захлопнул дверцу уже на ходу. Подпрыгивая на ухабах, он вцепился в торчащую из приборной панели ручку, а второй рукой пытался удерживать скачущий на коленях арбалет, во всю проклиная создателей этой дьявольской колесницы. Ударившись головой на очередной кочке, парень взмолился:

– Куда ты так несешься?

Леший покосился на воспитанника, потиравшего макушку, и только хмыкнул, продолжив на жуткой скорости выписывать змейку на потрескавшемся от времени асфальте. Но через пару минут скорость машины снизилась – впереди на обочине стоял Михей и призывно махал рукой, а у его ног безжизненным кулем лежало тело напарника. Не дождавшись, пока «козел» приблизится, сталкер без сил опустился рядом. Он так и сидел, тяжело дыша и устало наблюдая, как рядом остановился «УАЗ», из которого выскочили Леший с воспитанником, как они погрузили на заднее сиденье постанывающего охотника, и почти не помогал им, когда те поднимали его самого и усаживали в машину. Пять километров, которые он нес Игорька на себе, выжали его, как губку, не оставив сил даже на рассказ.

Он молчал всю дорогу назад, и только когда «уазик» уже заехал во двор, и Игорька начали вынимать из салона, тихо произнес:

– Осторожно – он обгорел.

Молодой охотник, стажер в группе Михея, которого все звали только Игорьком – имени более мужественного он себе заслужить еще не успел, по поводу чего очень переживал, – выглядел, и правда, плохо. Новая кожаная куртка охотника, недавно выданная ему, обгорела и висела лоскутками. Лицо темное от копоти, с обгоревшими бровями и опаленными волосами. И только глаза, сверкающие белками на фоне темного лица, непонимающе смотрели на окружающих его людей.

– И еще контужен, – после небольшой паузы, которую он взял себе для отдыха, добавил Михей.

Леший заглянул в салон машины. Много от Михея сейчас не добиться, но...

– А где третий... Дорона где потерял?

Третий участник их группы – шустрый, невысокий мужичок по фамилии Доронин, был у них за разведчика. Его чутье охотника всегда вызывало у Лешего здоровое чувство зависти. Вообще группа была сильной, и Леший со спокойной душой посылал их в дальние разведывательные рейды. Знал, что группа Михея все разузнает, все найдет и вернется вовремя в полном составе. А тут... «Дорона нет! Что-то действительно страшное случилось».

Михей долго смотрел на начальника, силясь понять вопрос, потом неопределенно махнул рукой в ту сторону, откуда он только что принес Игорька.

– Рассказать в силах? – Леший не торопил Михея, но, не зная подробностей, боялся упустить время. Он даже посмотрел на дозорного, дежурившего на крыше здания больницы, но тот, не проявляя беспокойства, разглядывал город в бинокль. – Ну что?...

– Сейчас... – Михей кивнул. – Вначале было все как обычно. Шли по трассе на Озерный. А на полпути к Пономарям Дорон указал мне, что лес вокруг подтоплен: то там лужа, то здесь болотце, а через километр дорога вообще среди сплошной воды пошла и, в конце концов, исчезла. Откуда столько воды? Не иначе, плотину в Озерном прорвало. И главное тишина стоит, как на кладбище, – хоть бы собака какая завывала, что ли. Деревень же вокруг полно... Неуютно как-то.

Уже решили назад вертать и посмотреть дорогу через Шиловичи, но Дорон предложил прошупать здесь – так, для очистки совести: вдруг проходимо, а мы не проверили.

Казалось, рассказ придавал силы охотнику, и голос его звучал все уверенней.

– А дальше что? – Гриша почувствовал, что сейчас и начнется в рассказе самое интересное.

– А дальше началась чертовщина какая-то. Не прошел Дорон и десятка метров, как слева и справа из воды показались серо-зеленые... купола, что ли? Не знаю, мне вообще показалось, что это лягушки вынырнули. Я ему ору: давай, мол, назад, пока эти жабы до тебя не добрались! Тут все и началось. То ли они на голос мой среагировали, то ли на то, что Дорон назад выгребать начал, а только сразу с двух сторон эти купола взлетели, и оказалось, что это...

– Да не томи!...

– Да хрен его знает, что это! На медуз похоже. Длинные щупальца из зонтика торчат, огоньками вся переливается, как новогодняя елка. И парит по воздуху, как воздушный шарик – я ж говорю, чертовщина какая-то.

– Понятно... точнее, ничего не понятно, – Леший даже присел на порожек «уазика», пытаясь себе представить новую напасть.

– Вот, значит... Дорон уже почти выбрался, когда эта тварь его догнала. Вроде ж и ветра нет, как они летают? Невысоко так, метра на три, не больше. Короче, догнало это... чудо и легонечко так щупальцем Дорона по затылку коснулось. Тот выгнулся весь дугой и, как был, так и рухнул в воду. Там уже мелко было. Мы с Игорьком кинулись к нему. Я эту тварь секачом отогнал, щупальца ей пообрубал, а Игорек Дорона на сушу потянул. Пока я с этой медузой воевал, к ним вторая подобралась – вот Игорек по ней из арбалета и саданул... Я, честно говоря, не видел, что там случилось, но рвануло так – я подумал, что это газовый баллон шандалахнул. Благо, что меня в воду откинуло, а то тоже бы обгорел. И хорошо, что медузу мою тоже взрывной волной унесло, а то не до нее мне было первые минуты.

А дальше выбрался, смотрю, стажер мой, как после крематория – лежит, стонет, а Дорон уже посинел весь и не дышит. Ну, а дальше знаете: тащил его до города, пока вы нас не подобрали. Арбалеты вот только на полпути бросил.

– Ладно, Михей, иди отдыхать, а то выглядишь, будто медуза и тебя пощупала.

«Значит, путь на север закрыт. Что за напасть-то такая?» Так просто отказаться от идеи переселить общину в Озерный не получалось. Альтернативы не было. «Куда теперь? Ярцево? ... Смоленск?... А может, тут остаться? Живем же...» Город, исчерпавший себя, как объект, поставляющий запасы, продолжал держать лучше стального капкана. Трудно отказаться от собственного дома. Признать, что его нет... «Как так – вот же он, стоит. Да, покосился, да, крыша прохудилась, но это мой дом. Мы в городе, как вши на трупе – ползаем, пытаюсь вытянуть из него хоть еще одну капельку крови. Не можем признать, что надо искать новое место – иначе умрем так же, как и он. Вот если бы это была Москва или какой-то другой миллионник, то можно было бы еще долго тянуть соки из умершей цивилизации. Даже в Смоленске больше шансов. Но это Духовщина. И в былые времена не жили богато, а теперь... А теперь придется уходить, но сначала найти место, куда уходить. Все-таки не хочется отказываться от идеи Озер-

ного – надо проверить вторую дорогу – на Спас-Углы, через Жатомлю и Шиловичи. Старая грунтовка делала крюк на восток и вполне могла обходить заболоченные места с обитающими в них медузами».

– Гриш, дуй в оружейку за снарядой. Сам по стандарту, а мне возьми «укорот». – Леший проследил, как воспитанник умчался исполнить приказание, а сам повернулся к стоящим возле машины охотникам. Суровые мужики топтались, как боевые кони перед битвой. – Ржавый, ты за старшего. – Плечистый мужик с подстриженной рыжей бородкой, кивнув, поправил полицейскую кепку. – Усилить периметр... на всякий случай. Если нас сутки не будет, ищите по дороге на Шиловичи.

Из здания выбежал Гриша. Нагрузившись снарядой, он пыхтел от усердия, волоча две огнеупорные куртки пожарников, укороченный «калашников»¹¹ и самодельную разгрузку, полную магазинов к нему. За плечами висели походные рюкзаки и довоенный спортивный арбалет – его гордость, подаренный Лешим еще на шестнадцатилетие. Свалив все в кучу к ногам наставника, Гришка вынул из-за пояса нож в ножнах и вручил наставнику.

– Молодец, догадался. – Леший скинул широкий ремень с кобурой и поднял тяжелую огнеупорную куртку пожарной «боевки». – После того, что с Игорьком случилось, в самый раз кольчужка.

Сборы были недолги. Сколько себя помнил Леший, вся его мирная жизнь, а это те редкие моменты между командировками, состояла из сплошных сборов. Не успевал он ввалиться в свою холостяцкую квартиру, как начинал собираться на новое задание. Да и тут, когда приехал в отчий дом, снова попал на новую войну. Поэтому в чем, в чем, а в этом он был особенно точен. Руки сами, автоматически застегивали, проверяли, уточняли, поправляли, сообщая мозгу лишь результат. «Шеф, все нормально, можно выдвигаться». Застегнув поверх куртки ремень и повесив респиратор на шею, он оглянулся на Григория:

– Готов?

– Да. Может, намордники не будем брать? И так тяжело в «пожарках».

– Будем. Город чист, а вот дальше дорога не хожена... и дозиметристов возьми.

В общине дозиметров вообще не было. Точнее, значился один – найденный в школе в классе ОБЖ, но он изначально не работал. Леший пребывал в полной уверенности, как его не переубеждали, что это муляж. А даже если он и был настоящим, батареек к прибору через двадцать лет все равно нет, и не предвидится. Дозиметристами же у охотников называли мышей. Обычных серых мышек. Но... была у них одна особенность. Наверное, какая-то генетическая память. До войны, лабораторные мышки были очень чувствительны к радиации: даже малая доза, безопасная для человека, убивала бедное создание. За двадцать лет мышки умудрились приспособиться к этой напасти, но, все равно, если внести их в зону, где радиация значительно превышала норму, начинали верещать, как ненормальные. Заметив такую интересную особенность, охотники стали таскать с собой в рюкзаке клетку с мышонком, который исправно оповещал хозяина, если тот влезал туда, куда не стоило.

– Всегда со мной. – Гриша постучал по рюкзаку, услышав в ответ характерное попискивание грызуна.

Тишина города настораживала своей неестественностью. Если те города, которые подверглись бомбардировке, были разрушены, то Духовщине в этом плане повезло – ее никто не бомбил. Кому нужен захудалый провинциальный городок без какой-либо промышленности? На такой и обычное вооружение тратить непростительная расточительность. Про него все и забыли, как забывали начислять дотации до войны чиновники. Когда-то, давным-давно,

¹¹ АК-74У – 5,45-мм автомат Калашникова складной укороченный – укороченная модификация автомата АК-74, был разработан в конце 1970-х – начале 1980-х годов для вооружения экипажей боевых машин, авиатехники, расчетов орудий, а также десантников.

Лешего занесло в Припять. Тогда он меньше всего бы поверил, что увидит таким же пустым свой город детства. Конечно, разрушения были и здесь, и за двадцать лет их накопилось уже много, но это было по-другому, нежели в разбомбленных городах. Если те города убили, то Духовщина умирала. Умирала долго и мучительно, потеряв людей. Обветшалые одноэтажные дома блестели целыми, но запыленными окнами. Приветливо отворял двери ветер. Улицы пусты, и только одичавшие сады, превратившись в дремучие леса, выглядели из-за покосившихся заборов, бережно накрывая ветками хозяйские дома. Было полное ощущение, что город терпеливо ждет своих жителей – верный пес, положивший голову на лапы, поддыхает у порога, потому что любовь к людям не позволяет ему уйти.

Вот и сейчас город молча провожал тоскливыми взглядами окон двух охотников.

– Даже собак нет. Когда такое было? – Гриша остановился и посмотрел на Советскую улицу. Справа, и так огромная по меркам городка центральная площадь, казалась просто бесконечной. И где-то далеко, терялся на фоне выцветшей розовой церкви его тезка – бронзовый Григорий Потемкин, взирая на окружающую пустоту, отведя в удивлении руку. То ли возмущаясь тем, что все его покинули, то ли прося взять его с собой и не оставлять в одиночестве в этом пустом, неуютном месте.

Охотники испытали даже некоторое облегчение, когда вышли за границы города. Больно уж давила пустота на психику. И еще долго Гриша оборачивался на оставшиеся позади пустые дома.

– Что ты дергаешься? – Леший посмотрел на напарника и перевесил автомат со снова занывшего плеча на другое. – Нападения со спины ждешь?

– Да, нет... Неуютно просто, будто кто-то укоризненно в спину уставился.

– Кто-то! – Леший хмыкнул. – Мертвые нам в спину смотрят. Город хранит о них информацию, лучше, чем надгробные камни на кладбище. Живи с ними в мире, поминай добрым словом, благодари за науку – и не будут они тебя беспокоить. А может, и помогут когда-нибудь.

Гриша поежился. Перспектива общаться с мертвыми его не радовала. Тут от живых-то проблем не разгребешь... Но он привык доверять наставнику. На его памяти Леший никогда не ошибался, выпутываясь из любых передряг.

Окружная дорога огибала город от южного въезда со стороны областного центра до северного выезда на Озерный. Поворот с нее на Спас-Углы, объездная дорога на Озерный, была примерно на северо-востоке. Следуя по ней, путешественники могли, в перспективе, спокойно обойти болото, найденное группой Михея. В перспективе... Леший остановился на окружной и с удивлением разглядывал представший перед ним пейзаж. Насколько хватало глаз, кругом было одно болото. Восточная дорога уходила вдаль и уже через несколько сотен метров скрывалась под водой, только холмы торчали из нее островами. С этой стороны болото подошло вплотную к городу, и если бы не дорожная насыпь, крайние дома уже стояли бы затопленными.

– Да, уж... – Гриша первым озвучил общую мысль, оглядывая бескрайнюю гладь с торчащими из нее редкими, чахлыми деревцами. – Нет дороги.

Леший кивнул. Что повторять очевидное? Очень не хотелось отказываться от идеи, но, как говорится: «Хочешь рассмешить Бога – расскажи ему свои планы».

– Ладно, что смотреть? Возвращаемся. Насыпь пока держит воду.

Они развернулись и замерли, как вкопанные. Метрах в пятидесяти, прямо над дорогой, по которой они только что пришли, висела медуза. Мясистый голубовато-зеленый зонтик около метра в диаметре слегка пульсировал, по фиолетовой бахrome, свободно свисавшей с краев, пробегали волны. По этой ли причине, или существовали другие механизмы, но животное медленно, как бы осторожно и совершенно беззвучно, приближалось к людям. Из-под купола зонтика свободно свисала целая гроздь щупальцев, два самых длинных иногда слегка касались асфальта, как бы ощупывая его, от чего с их кончиков на землю соскакивали голубые искры.

Люди попятились, и медуза ускорила, почувствовав, что объект охоты перемещается.

– Замри. – Леший придержал Гришу, который уже стянул с плеча арбалет.

– А может, я по ней...

– Да помолчи ты. Она, кажется, на движения воздуха реагирует.

Медуза, после того как охотники остановились, замерла в нерешительности, но как только они заговорили, снова уверенно направилась к ним.

– Так, может... – Гриша снова указал глазами на арбалет.

Леший молча покачал головой: уже слишком близко.

Медуза зависла метрах в двадцати, потеряв цель. Она медленно крутилась вокруг своей оси, словно сканируя пространство.

Не говоря ни слова, Леший быстро указал рукой в противоположные стороны, и кисть снова замерла в воздухе, отогнув три пальца. «На счет три разбегаемся». Когда таймер из пальцев Лешего показал три – охотники рванули в разные стороны, оставив медузу в замешательстве. Но та недолго мучилась, направившись за старшим. Наверное, сочла его более медлительным.

Леший, обегая тварь по широкой дуге, никак не мог от нее оторваться. Срезая углы, как заправский математик, медуза все равно оставалась в опасной близости, набрав на открытом пространстве приличную скорость. Немного задержал ее густой кустарник, но пока человек с треском продирался сквозь него, медуза решила проблему проще – немного приподнялась над ветками и быстро возвратила себе фору, выигранную охотником. Где-то справа трещал сухим валежником Гришка и, судя по звуку, он намеревался поучаствовать в погоне. Леший понимал желания воспитанника, но тот рушил весь на скорую руку слепо составленный план – теперь приходилось рассчитывать действия, учитывая еще одного участника. Он выругался и изменил направление, удаляясь от Гриши. Приходилось лавировать, постоянно держа между собой и медузой какие-нибудь препятствия, что значительно замедляло скорость твари.

Первые дома выросли из ниоткуда. Вот только что он продирался через какой-то сад, а теперь стоял на улице. Медуза, наверное, ошавшая от погони не меньше человека, крутилась на месте, потеряв замершего на месте Лешего. Где-то хлопнула дверь, ветер погнал по дороге целлофановый пакет. Медуза заметалась. Обилие непривычных звуков и движущихся объектов дезориентировало ее. Улица, продуваемая наподобие аэродинамической трубы насквозь, была для нее неуютна, заставляла реагировать на каждый сквознячок. Медуза медленно отплыла от Лешего, поймав по пути пакет, отпустила его, определив, как несъедобный. Охотник медленно расстегнул кобуру и достал «макаров». Леший не знал, с какой мощностью взрывались эти твари, да и вообще взорвется ли конкретно эта, но рисковать не собирался – хотя бы метров двадцать пять – тридцать расстояния между ними быть должно. Треск рухнувшего забора за спиной заставил оглянуться. «Явился – не запылится». Вместе с пролетом забора на улицу вывалился, подняв кучу пыли, перелезавший через него Гриша. Явно обрадованная медуза даже подпрыгнула на полметра и «поскакала» в сторону барахтающегося в пыли охотника.

Выстрел из пистолета Макарова пришелся точно в центр купола. По телу медузы пробежала голубая искра, и мясистый желатиновый зонтик с кучей щупальцев превратился в огненный шар. Леший скрутился в кокон, повернувшись спиной к взрыву и спрятав голову между рук. Огненный ураган облизал куртку, оглушил и откинул его на несколько метров.

– Пап, ты живой? – Гриша перевернул Лешего, с надеждой вглядываясь в его лицо.

«Дожил до сыночка на старости лет. Спешим это на искажение слов из-за контузии». В ушах действительно свистело, а резкость в глазах никак не хотела наводиться. «Вообще-то староват я для таких приключений. Тело еще помнит наработанные за годы тренировок навыки и рефлексy, а вот последствия использования этих навыков в сочетании с возрастом неутешительны».

Он со стоном сел, потирая многострадальное правое плечо, на которое приземлился.

– Ну, ты как? – снова спросил Гриша.

– Ты знаешь, по сравнению с медузой, так и неплохо, – вокруг во множестве валялись обугленные части твари. – Вот что я называю «сгореть на работе».

Гриша усмехнулся; он всегда удивлялся способности Лешего шутить в экстремальной ситуации. В тот момент, когда другие цепенели от страха, тот умудрялся хохмить.

– Я думал ты все... это самое.

– Лешие не умирают... Ладно, пошли домой. – И Леший, кряхтя, поднялся.

Они выбрались из переулка, где произошла битва, на улицу, по которой шли к окружающей дороге. Гриша не выдержал и посмотрел в сторону нового болота. Вдали над дорожным полотном в воздухе парило несколько медуз.

Глава 5

Охота

Шелест жестких листьев чередовался с клецаньем лепестков и воплями страха. Сержант влетел на смотровую площадку и успел к самой кульминации спектакля. Родничок, распушив трепещущие толстые листья, щелкал всеми своими тремя цветками, медленно, но неотвратимо наступая на дикаря, улепetyвающего на всех четырех костях. Два других представителя племени засранцев стояли в сторонке и гортанными звуками поторапливали своего товарища. Означенный товарищ, бросив и дротики, и увесистую торбу, и так торопился, как мог, перебирая конечностями. В конце концов, завывая от ужаса, он выкарабкался из тени наступающего на него сторожевого фикуса, встал на ноги и припустил к ближайшим кустам, где его ожидали спутники.

– Фу-у, Родничок. Ползи на место.

Сержант, кряхтя, слез по скрипучей лестнице и направился к воротам. Длинным медицинским корнцангом, выключенным Данилой у Изотова-старшего, выудил из клетки верещавшую крысу и знаком показал охраннику – открыть...

Растение никак не успокаивалось. Оно перегородило собой проход, два цветка все еще гневно клецали, хотя третий с интересом заглядывал в узкую щель приоткрывшихся ворот, как бы ожидая одобрения своим действиям в виде угощения. Получив честно заработанных крыс, по штуке на каждый цветок, Родничок «быстренько», насколько ему позволяла скорость, убрался в свою будку, сделанную из вагончика. Сержант с опаской выглянул наружу. Гостей, на всякий пожарный, держал на мушке часовой, да и дикарей после битвы на очистительной станции будто подменили – они с уважением относились к жителям Измерителя, а отдельных его представителей просто боготворили. Но все равно получить дротик в грудь почему-то не хотелось.

– С какой целью явились, гордые воины темного вонючего подземелья? – представителям племени засранцев очень нравился патетичный витиеватый стиль обращения к ним. Услышав такое, они прямо млели и краснели от удовольствия, считая, что именно так и должны разговаривать их общие великие предки. Пострадавший от Родничка снова вышел вперед, опасливо покосившись на будку, и воткнул свой дротик в землю. Этот жест являлся знаком того, что они пришли с миром. Гордо стукнув себя кулаком в кирасу, выглядывающую из-под шкуры волколака, дикарь произнес гортанным голосом:

– Хорд! – судя по блеску в глазах и поднятой голове это, скорее всего, было его имя, а не просто ничего не значащий возглас. – Вождь двух знаний прислал нас за великим воином.

«Вождь двух знаний – что бы это значило?» Ясно, кто им нужен, но этикет требовал продолжения игры.

– У нас много великих воинов.

– Максим-Ч, – последний звук в имени звучал так, будто великий воин простудился и чихнул. Сержант еле удержался, чтобы не пожелать собеседнику здоровья, но вовремя сообразил, что шутку не поймут, а могут и обидеться. Оставалось только важно кивнуть и пробурчать что-то вроде многозначительного: «ожидайте».

Закрыв ворота, сержант позвал вестового:

– Дуй вниз. Найди Максимыча и скажи, что к нему поклонники пришли – он поймет.

* * *

– И давно она так?

– Со вчерашнего дня. – Мать Максима прислонилась к стене, сложив руки на груди. Прошли те времена, когда терапевт, если ему было что-то непонятно, звал узкого специалиста. Теперь приходилось разбираться во всем самой, максимум, посоветоваться с мужем. Но психиатрия никогда не была ее коньком, да и у Изотова-старшего, насколько она знала, тоже. А тут требовался психиатр или психолог, а лучше – и тот, и другой. Обзывалось это все красивым словом «депрессия». А вот как вывести девушку из этого состояния, Марина не знала, потому и позвала самых родных людей... скорее от отчаянья, чем ожидая какого-то результата.

Ира лежала, уставившись в потолок единственным открытым глазом. Максим, проследив за взглядом, посмотрел вверх. Ничем не примечательная поверхность, покрашенная белой краской. Белый квадратный пластиковый плафон скрывал лампы дневного света. Лично ему этот вид надоел бы уже через десять секунд просмотра.

– С ней можно поговорить?

– Попробуй. Со мной она не разговаривает.

Максим продвинулся поближе, постаравшись влезть в поле зрения Ирины. Взгляд девушки не был пустым. В нем застыла безмерная тоска.

– Ира, ты меня слышишь?

Девушка перевела взгляд на Максима. Это был хороший признак, но грусть не исчезла даже после того, как Максим ей улыбнулся.

«Что они на меня смотрят? Рвут мне душу на лоскутки. Алина стоит, как образец того, что я потеряла – какой мне уже никогда не быть... И этот – зачем мне его жалость, если рано или поздно он все равно уйдет к какой-нибудь красавице? И даже не к какой-какой-нибудь, а все к той же Алинке. Так лучше уж сразу».

Взгляд Ирины стал жестче, даже каким-то злым. Она перевела взор с Максима на сестру и произнесла тихим, но твердым голосом:

– Уходите!

Марина «оторвалась» от стены и, подталкивая сына и Алину, выпроводила их за дверь, сказав только:

– Потом...

Максими́ч еще с минуту смотрел на закрывшуюся перед носом дверь, после чего с недоумением взглянул на Алину:

– Что это было? Потом... что будет потом?

– А, по-моему, я догадываюсь, – вид у Алины был задумчивый, отчего она очень напоминала Ирину. Ту Ирину... без повязки на глазу.

– Да ну не!.. Это просто шок... посттравматический. Если бы я так навернулся с небес на грешную землю, да еще верхом на драконе, вообще никого не узнал бы. Вот поправится, и к нам вернется привычная Ира: умная, рассудительная.

Максим постоял с минутку, как бы соглашаясь с самим собой, и вышел из медпункта.

Алина смотрела ему вслед. Мужчины склонны все упрощать: ну ударились, ну шишка, пройдет. После того, как она вспомнила страшные раны на лице Иры, девушка поняла, каково сестре. Красота для женщины – самое важное. Она даже не сомневалась, что наложила бы на себя руки, если бы у нее было такое. Ирка держится – она сильнее. Но даже для ее нечеловеческой внутренней силы это страшный удар. А мужики толстокожие, они этого просто не понимают. Для них шрамы только красят и добавляют мужественности – как дети хвастаются ими, словно наградами...

Максими́ч, определив для себя причину, успокоился. «Надо только подождать, пока все станет на свои места. Главное, что свершилось чудо – все живы. А когда Ира придет в себя, вот тогда он с ней поговорит – расскажет, как он страдал, когда думал, что она погибла, признается ей в своих чувствах. Надо лишь подождать! Дольше ждал». С такими мыслями он шел

в сторону «Тарантаса». Хотелось поделиться своей радостью с друзьями: Санычем и Данилой. Они поймут его. Поржут, конечно, над недолжным для брутального сталкера зашкаливающим романтизмом, но поймут... поймут и разделят радость.

– Максим?

Рядом с ним стояла невысокая девушка. По канонам славянской красоты даже очень симпатичная, правда, на вкус Максима, с несколько кукольным лицом. Большие зеленые выразительные глаза смотрели на него с надеждой и какой-то детской непосредственностью. Светло-русые волосы свободно падали на плечи, а рабочий комбинезон с эмблемой завода Измеритель, коих было еще полно на складе, выгодно подчеркивал неплохую фигуру.

– Я тебя не знаю. – Максим еще раз внимательно посмотрел на девушку, что-то неуловимо знакомое... но хоть тресни, он ее не знал, хотя новыми людьми в убежищах его удивить было сложно.

– Ты же Максим Изотов?

– Да, я он... этот самый... если, конечно, тебе нужен тот самый Максим Изотов.

– А что есть еще?

Теперь Максим точно уверился, что девушка не местная, потому что не зная Сенатора Изотова в РОУ мог разве что новорожденный.

– Встречается... – он ухмыльнулся. – Так чем могу помочь?

– Ты уже помог – ты меня спас.

«Точно! Это же та девушка, которую я вытащил на очистных... Где же ее узнаешь – там она была вся измазана грязью и “слегка” не одета».

– Не надо благодарности.

– Ты меня спас, – повторила она.

Было ощущение, что девушка ждала какого-то продолжения. Как это там у классика: «Мы в ответе за тех, кого приручили», в данном случае – спасли.

– Так получилось... – надо было как-то вырливаться из ситуации, а то она становилась все глупее и глупее. – Я бы спас в этой ситуации любого.

Девушка стушевалась.

– Меня Таня зовут. Я просто подумала, раз ты меня спас...

– Думала, что я твой принц, спасший тебя от чудовища? – продолжил за нее Максим. – И дальше все должно было быть, согласно жанру?

Татьяна, совсем засмутившись, только кивнула.

«Дурацкая ситуация, не хуже той – с раздеванием. Чувствую, опять надо мной будет ржать весь “Тарантас”».

– Таня, ты очень милая девушка, – он улыбнулся, пытаясь включить все свое обаяние, – но вы, девушки, склонны находить романтику там, где ее нет. Я тебя спас, потому что ты тогда нуждалась в помощи, и не более... И потом... у меня уже есть девушка.

– Даже две! – Алинка подкралась совершенно незаметно и, как выяснилось, слышала весь разговор от начала до конца. Не вклиниться в разговор – это было выше ее сил. – А ты, незнакомка, на наших мужиков не заглядывайся. Свободных вон сколько ходит. – Она широким жестом показала вокруг, словно возле стенок стояли одни бесхозные мужчины, только и жаждущие завести себе спутницу жизни. – Вот, хотя бы...

Из коридора в жилую секцию вошел Молодой, но, увидев указующий на него перст, встал, как вкопанный.

– Не знаю о чем вы, но я к Максимычу.

Обойдя, с опаской, Алину, он подошел к Изотову:

– Там вестовой с верхнего поста прибежал – тебя ищет. Говорит, что к тебе целая делегация поклонников прибыла.

– Поклонники? – с легкой руки Данилы так называли только дикарей. – Ладно, мальчики и девочки, не ссорьтесь. Позже разберемся, кто с кем и зачем... а сейчас извините – труба зовет.

С этими словам Максимыч скрылся в коридоре. Алина еще раз окинула пренебрежительным взглядом новоявленную соперницу, фыркнула рассерженной кошкой и гордо удалилась в сторону медпункта. В общем зале, как два тополя, остались Молодой и Татьяна. Парень мялся и только что ножкой не шаркал, думая: «С волколаком проще, чем с ними. Черт их знает, что у них в голове».

– Костя, – он протянул ей руку.

– Таня, – она взяла ее за два пальца, но, словно обжегшись, отдернула свою ладошку обратно.

– Ну, я тоже пойду. Увидимся еще... как-нибудь.

Он глупо улыбнулся и, постоянно оглядываясь, чуть не врезавшись в угол, побежал в ту же сторону, где скрылся Максимыч. Из головы выветрилось все, что он хотел до встречи с Татьяной, и требовалось некоторое время, чтобы привести мысли в порядок. А девушка смотрела вслед сталкеру, чему-то улыбаясь.

* * *

Лето Максимыч любил больше, чем холодный и влажный туманный сезон. Тепло, сухо и мухи не... Хотя нет, с мухами, как раз, были некоторые проблемы. Обнаружив новый объект, особи размером с желудь, радостно жужжа, атаковали вышедшего из бункера сталкера. Пришлось натянуть респиратор и надеть солнечные очки. И дело даже не в яркости света – ровного загара даже летом особо не получишь. Облачный покров продолжал укутывать планету большее время, и солнце, белым кругляком, нарисованным на них, скорее только обозначало свое присутствие. Насекомые, будь они неладны, отождравшись на просторах заброшенного города, норовили залезть в глаза, рот и нос, и их совершенно не волновали такие мелочи, что людям эта близость не нравится.

Сержант Торгачев стоял возле ворот, приоткрыв створку, и что-то показывал находящимся снаружи. На привратных вышках дозорные продолжали держать на мушке цель, а еще один вооруженный боец стоял за спиной начальника, на всякий случай страхуя его. Максим подошел к ограде и тронул сержанта за плечо:

– Привет. Что там?

Сержант обернулся. Маска на лице не позволяла увидеть мимики, но глаза его заулыбались.

– А, пришел? Вон гости к тебе. Вождем двух знаний «ругаются». Родничок их шуганул, так теперь ближе подойти бояться. Я их даже чистой водой приманивал – лопочут что-то, на будку фикуса показывают и не идут. – Сержант показал литровую пластиковую бутылку с прозрачной жидкостью. – На, отдай, а то у них аж слюнки потекли, когда увидели.

– Двух знаний, говоришь. Это у них вождь двухголовый. Хороший парень, и соображалка у него неплохо варит. По крайней мере, одна из двух. Он верховодит после этого... как его... Древнева. И что им надо?

– Не говорят. Тебя зовут. Великий воин, говорят, нужен.

– Ладно, давай свою воду. И открой пошире, а то я в эту щель не протиснусь.

Выйдя за ограду, Максимыч напрямик направился к ожидавшим его возле кустов дикарям. Низкорослые homo canalisatis с почтением поклонились сталкеру, а воду принимали от него, как величайший дар богов. Бутылку, трижды обернув грязной тряпкой, спрятали в торбу, сшитую из мохнатой шкуры. Мухи, наконец-то, оставили в покое Максимыча и перебрались на дикарей – те совершенно на них не реагировали, явив образец единения природы с человеком и позволяя насекомым совершенно недопустимые, в понятии цивилизованных людей,

вещи. Изотов еще некоторое время слушал гостей, кивал, что-то отвечал, после чего вернулся к воротам, а дикари растворились среди зелени, словно их и не было вовсе.

- Ну что там? Чего надо? – Сержант запер ворота.
- На охоту зовут. Мало их осталось, сами не справляются. Тварь какая-то житья не дает.
- И когда?
- Завтра к утру обещались прийти – сопроводить.

В сборах на охоту самое трудное – получить разрешение. Эта напасть преследует охотников с тех самых времен, как только охота перестала быть способом добычи пропитания. Если в стародревние довоенные времена спрашивали у жен, а затем у лесников, то теперь, с одной стороны, стало проще, но с другой трофеи вообще никак не могли пригодиться, и надо умудриться получить это самое разрешение у начальства. Как объяснить, что ты потратишь дефицитные боеприпасы и будешь рисковать своей жизнью всего лишь ради сомнительного удовольствия?

Васильев упирался целый час, не давая разрешения, и только Еремин, долго слушавший препирания, все «за» и «против», выдал: «Пускай сходят. В конце концов, это мы их ряды проредили, значит, нам и помогать». Латышев расплылся в улыбке, словно это его личная заслуга в прореживании, и так было задумано изначально.

Решили сходить вчетвером: Латышев, Данила, Максимыч, и четвертым, по настоятельной просьбе последнего, взяли Молодого. Васильев, насупившись, как мышь на крупу, «оторвал от сердца» рацию и наказал, чтобы «отзвонились» сразу, как выберутся на поверхность. Ну, и конечно, если что-то случится – «домой можете не возвращаться – придушу лично». Не понятно, то ли рацию жалко, то ли за охотников переживал.

Время, назначенное дикарями, приближалось. Смешно – а как они определяют его, если все это самое время живут под землей, в темных лабиринтах канализации? «Вот мы их ждем, а ребята и не в курсе». Максимыч чувствовал себя идиотом, но старших товарищей отсутствие дикарей почему-то не смущало, а Молодой был просто рад, что его взяли с собой, и целиком и полностью доверял именитым сталкерам. Такое ощущение, что он даже пытался угадывать желания старших, лишь бы хоть так отблагодарить их за оказанное доверие.

Данила ворковал возле будки с Родничком. Воспитанник вылез из своего домашнего уюта, выказывая хозяину весь спектр чувств в меру своих цветочных мозгов: громко шелестел листьями, терся цветками об руки и шлем. Латышев, наблюдая эту картину, только посмеивался и выдавал свои обычные подколки и хохмы. Больше ради убийства времени и скуки, чем для смеха.

– Вот раньше была зоофилия, а теперь я своими глазами вижу ботанофилию, или даже правильной флорофилию. Ты, Данила, родоначальник нового извращения!

Хохот часовых на вышках отвлек сталкера. Данила обернулся и погрозил другу кулаком, но его глаза над маской респиратора тоже смеялись. Тем временем Родничок отвлекся на мух – громко щелкая лепестками и хрустя хитином, он ловко ловил их над самой головой сталкера, чем вызвал новый приступ веселья Сан Саныча.

- Он скоро блох с тебя собирать начнет, я такое видел уже до войны по телеку.
- Я его сейчас на тебя натравлю, если не заткнешься!
- Чего сразу... это, между прочим, признак ухаживания. Я радуюсь за вас.
- Ну все, ты меня достал. Родничок, цапни его за какой-нибудь жизненно важный орган.
- Нет, Родничок, не слушай его. Дядька глупости говорит. Своих кусать нельзя, – с этими словами Латышев, на всякий случай, передвинулся за Максимыча, усевшись на свой жизненно важный орган, от греха подальше. Хотя растение, увлеченное охотой на мух, совершенно не обращало внимания на дружескую перепалку.

Ожидание затягивалось. Не зря он не доверял дикарям – они два плюс два сложить не могут, о какой точности можно тут говорить? Максимыч посмотрел на часы – если доверять отцовским «Orient», они уже минут пять, как должны были быть на месте. Он многозначительно показал Санычу на циферблат. Тот пожал плечами и достал из разгрузки обшарпанную «Моторолу». Щелкнул тумблером, от чего на передней панели зажглась зеленая лампочка, а в динамик зашипел фоном эфира.

– Юстас Алексу, прием?

Шипение прекратилось, и сердитый голос Васильева из черной коробочки ответил:

– Какой, на фиг, Юстас? Латышев, наш позывной – «База». Что хотел? Прием...

– Проверка связи. Шифровка в центр будет по выполнении задания.

Не дожидаясь ответа, Саныч отключил рацию, широко улыбаясь, представив себе вытянувшееся лицо Виктора.

– Молодой, на тебе рацию – будешь у нас радисткой Кэт.

– А сам чего? – Максимыч передал прибор бывшему стажеру, а тот аккуратно упаковал его в рюкзак.

– Не люблю я. Примета плохая – вечно что-то случается, когда она у меня, – и Латышев задумчиво посмотрел на шрам от пулевого ранения на левой кисти.

Гости появились, как из воздуха. Вот только что их не было – не шелохнулась ни одна веточка, не было слышно ни звука, а они уже стоят рядом с кустами, опасливо косясь на нахолившегося на чужих Родничка.

– Подъем, гвардия – конвой прибыл, – Латышев встал с бревна первым и, закинув автомат за спину, направился к нерешительно топтавшимся в сторонке дикарям. Максимыч и Молодой потянулись следом. Последним подошел Данила, потратив некоторое время, загоняя упирающегося Родничка в свою будку. – Ну что, бойцы невидимого подземного фронта, куда идем?

Главный среди дикарей безошибочно, несмотря на натянутые на лица сталкеров маски респираторов, узнал Максимыча и в дальнейшем обращался только к нему.

– Большая честь для нашего народа, что Великий воин согласился участвовать в большой охоте, – он посмотрел снизу вверх на остальных и, одобрительно хмыкнув, на подошедшего Данилу-мастера. Его внушительная фигура впечатляла даже на фоне рослых сталкеров, а уж по сравнению с мелкими дикарями казалась просто титанической. – Приветствуем твоих спутников – не сомневаемся, тоже достойных воинов.

Изотов кивнул. Он показал на Латышева и Данилу:

– Это мои учителя. Я стал Великим воином только благодаря им.

Глаза дикаря расширились от удивления.

– Учителя Великого воина – сами великие воины!

Латышев как-то странно хрюкнул в маску и важно закивал, одновременно пихая Данилу локтем. Тот стоял молча, возвышаясь над дикарями, как скала, и поддерживать друга в этом фарсе не собирался. Еще не так давно зажила нога, пробитая дротиком такого же вонючего человечка. Большого энтузиазма от этой встречи он не испытывал и уж брататься с ними точно не собирался. Хотя – пускай почитают, но только на расстоянии.

Когда официальная часть закончилась, дикари развернулись и, не говоря ни слова, скрылись в зарослях. Расценив это как своеобразное приглашение следовать за ними, сталкеры раздвинули ветки густых кустов, закрывающих тропу. Маленькие дикари передвигались по лесу совершенно бесшумно, их полосатые шкуры, попадая в поле зрения, тут же, словно по волшебству, исчезали, будто дразня и издеваясь. Несмотря на недюжинную подготовку, сталкеры равняться с ними не могли. Идеальные разведчики – они не отходили далеко, ведя людей по самой безопасной дороге, обходя бесчисленные ловушки джунглей, периодически показываясь на глаза, указывая направление.

Город-лес жил своей жизнью, не обращая внимания на странную компанию двуногих. Под кронами деревьев парило. На ветках раскрылись огромные ярко-алые цветы, в соцветиях которых копошились большие насекомые. Мягкий мох под ногами тоже был усеян маленькими голубыми цветочками. Их мелкие лепестки ярко контрастировали с темно-зеленым покровом, и скопления напоминали голубые кошачьи глаза, внимательно рассматривающие случайных путников. Словно сам лес разглядывает своих обитателей, следя за порядком.

Дикари вели сталкеров по какой-то своей тропе. Максимыч изредка узнавал знакомые ориентиры, но, хоть убей, не мог понять, как они очутились в этом месте так быстро, как им удалось обойти временную аномалию, и за все время похода не встретиться ни с одним из опасных обитателей лесополосы. Было полное ощущение, что дикие люди, идущие впереди, прощупывали дорогу, разгоняя зверье перед дорогими гостями. Сталкеры, как бы они хорошо тут не ориентировались, были на поверхности в гостях, а они – у себя дома.

– Не пойму, где мы? – Максимыч споткнулся об очередной рельс, выступающий из-под мха. Вокруг стояло множество оплетенных выюнами и лианами остовов трамваев. Деревья, разросшиеся на свободном ранее пространстве, вывернули с корнем шпалы и рельсы, закручивая сталь в причудливые сюрреалистичные фигуры.

– Трамвайный парк. – Латышев удивленно озирался. – Никогда тут не был.

Они обошли очередной трамвай, опутанный растениями, словно Гулливер, связанный лилипутами, и уткнулись в запертую дверь бомбоубежища.

– О-па, бомбарь! – Максимыч подергал дверь, которая даже не шелохнулась. – Не вскрытый. – Он посмотрел на Латышева.

– Даже и не знал, что он тут есть. – Латышев достал карту, свернутую в несколько раз, некоторое время крутил ее и, найдя нужное место, сделал пометку. – Потом вернемся с инструментами и посмотрим, что там.

Дикари взобрались на насыпной холм убежища. Пришлось карабкаться к ним.

– Пришли, – их старший указал на длинное пятиэтажное здание, которое возвышалось впереди. Широкая улица, запруженная машинами, перегораживала проход к высокому крыльцу. Максимыч посмотрел на густые облака. Дикари, не выказывая боязни, вышли на улицу и уже через минуту стояли на серых гранитных ступеньках, призывно размахивая руками.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.